

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования
«СИБИРСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

Институт филологии и языковой коммуникации
Кафедра русского языка, литературы и речевой коммуникации
45.03.01 Филология

Заведующий кафедрой РЯЛиРК
И.В. Евсева

« 11 » июня 2018 г.

БАКАЛАВРСКАЯ РАБОТА
ПРОПОВЕДНИЧЕСКИЕ МОТИВЫ В ТВОРЧЕСТВЕ
Н.В. ГОГОЛЯ

Выпускник

А.А. Федотова

Научный руководитель

канд. филол. наук,
доц. В.К. Васильев

Нормоконтролер

А.А. Чуруксаева

Красноярск 2018

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования
«СИБИРСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

Институт филологии и языковой коммуникации
Кафедра русского языка, литературы и речевой коммуникации
45.03.01 Филология

УТВЕРЖДАЮ
Заведующий кафедрой РЯЛиРК
_____ И.В. Евсева

« ____ » _____ 2018 г.

БАКАЛАВРСКАЯ РАБОТА

**ПРОПОВЕДНИЧЕСКИЕ МОТИВЫ В ТВОРЧЕСТВЕ
Н.В. ГОГОЛЯ**

Выпускник	А.А. Федотова
Научный руководитель	канд. филол. наук, доц. В.К. Васильев
Нормоконтролер	А.А. Чуруксаева

Красноярск 2018

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
ГЛАВА 1. ПРОПОВЕДЬ В НАУЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЕ	9
1.1. Определение понятия проповеди в гомилетике и лингвистике	9
1.2. Осмысление понятия «проповедь» в литературоведении	13
ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 1	20
ГЛАВА 2. ФОЛЬКЛОРНО-МИФОЛОГИЧЕСКОЕ И ХРИСТИАНСКОЕ НАЧАЛО В «ВЕЧЕРАХ НА ХУТОРЕ БЛИЗ ДИКАНЬКИ»	21
2.1. Творчество Н.В. Гоголя и русская критика.....	21
2.2. Эстетика Н.В. Гоголя и художественное пространство в «Вечерах на хуторе близ Диканьки».....	25
2.3. Фольклорно-мифологические образы в «Вечерах на хуторе близ Диканьки» и их связь с христианством	28
2.3.1. Образ дьявола.....	28
2.3.2. Образы золота, драгоценностей, мотив красоты.....	29
2.3.3. Образы представителей духовенства.....	34
2.3.4. Изображение народа.....	40
2.3.5. Изображение семейных отношений	42
ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 2	45
ГЛАВА 3. ПРОПОВЕДНИЧЕСКИЕ МОТИВЫ В ПОЭМЕ Н.В. ГОГОЛЯ «МЕРТВЫЕ ДУШИ»	46
ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 3	62
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	63
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ	67

ВВЕДЕНИЕ

Долгое время в литературоведении существовала «концепция двух Гоголей», которая была выдвинута В.Г. Белинским и заключалась в том, что Н.В. Гоголь представлялся талантливым писателем, «замечательным художником, который подавал большие надежды, а потом изменил своему призванию, тронулся умом, церковники сгубили его. Эта концепция в советское время была общепринятой» [Иеромонах Симеон (Томачинский)].

Как отмечает И.А. Виноградов, «пафос советской критики, апеллировавшей к образам Гоголя, носил при этом не только социальный, но и вполне “метафизический” характер: в духе ветхозаветных пророчеств и проклятий. Речь при этом шла не о частностях, не об отдельных недостатках, но о представлении России в целом как воплощении “вселенского зла”. Основа таких воззрений в свою очередь была заложена в современной Гоголю критике» [Виноградов, 2003: 206].

Говоря о восприятии творчества Н.В. Гоголя его современниками, можно отметить, что, по словам В.А. Воропаева, большинство из них видели в нем «тип писателя-сатирика, обличителя пороков, общественных и человеческих, блестящего юмориста. Гоголя в другом его качестве, как продолжателя святоотеческой традиции в русской литературе, религиозного мыслителя и публициста и даже автора молитв, его современники не узнали» [Гоголь, 2009, Т. 1–2: 13].

Открытие Д. С. Мережковским в начале XX века другой стороны Н.В. Гоголя, по словам Л.А. Осадчей, «позволило с новых позиций осмыслить как поэтику его произведений, так и весь жизненный и духовный путь; позволило в итоге понять его писательскую стратегию и открыть парадигму адекватной интерпретации» [Осадчая, 2003]. Но в итоге, и В.В. Зеньковский, и В. Гиппиус, подходя к исследованию биографии и творчества писателя, также говорят о «религиозном переломе» Н.В. Гоголя, а не о поступательном движении духовной жизни и творчества.

Рассматривая восприятие писателя исследователями первой русской эмиграции, необходимо отметить тот факт, что оно «тесно переплеталось с историософскими размышлениями о трагических судьбах России и всего человечества. <...> Гоголь становится одним из важнейших нравственно-религиозных ориентиров. Между тем исключительная сложность личности Гоголя, а также драматическая история восприятия его поздних сочинений, породившая свои клише и стереотипы, делала крайне трудной задачу отыскать ключ к смыслу его духовных исканий. Искания эти необходимо было включить в соответствующий устремлениям писателя контекст понимания» [Кривонос, 2005]. К. Мочульский в книге «Духовный путь Гоголя», вышедшей в Париже в 1934 году, спорит с устоявшимся в критике и литературе пониманием творческого и жизненного пути Н.В. Гоголя: «До сих пор в литературе о Гоголе повторяется или молчаливо допускается мнение, что призвание его было исключительно литературное, что, “ударившись в мистику”, он загубил свой талант и “заялся не своим делом”; что весь духовный путь писателя был одним прискорбным недоразумением» [Мочульский, 1934: 5]. Но, как отмечает В.Ш. Кривонос, «ключевое слово в рассуждениях исследователя – поворот. Однако ход и последовательность этих рассуждений пробуждают сомнения, действительно ли в судьбе Н.В. Гоголя в 40-е годы был какой-то один и строго определенный поворот» [Кривонос, 2005]. Г. В. Флоровский, И.А. Ильин также, говоря о позднем творчестве писателя, обращаются к такому понятию, как «надрыв». Тем не менее, в исследованиях Русского Зарубежья даже при отсутствии единой точки зрения на эту проблему можно увидеть «не завершение споров и не подведение итогов, а продолжение завязавшегося в русской философской критике конца XIX – первых десятилетий XX вв. разговора о духовном пути Гоголя» [Там же].

По вполне понятным историко-политическим причинам в советской России не могли быть поддержаны научные исследования религиозности того или иного писателя, литературы в целом, но с конца 80-х годов XX века

начинает проявляться заметный интерес «к религиозной составляющей мировоззрения писателя. В исследованиях настоятельно проводится мысль о специфически религиозном, более того – проповедническом характере гоголевского менталитета <...> Принятие в расчет ориентации Гоголя на христианское вероучение, а также не вполне ортодоксального переживания им смысла догматов сделало более адекватным понятие о специфике гоголевского художественного мира. Подход к Гоголю с учетом его христианских взглядов инициировал новые трактовки текстов писателя» [Осадчая, 2003].

Кроме того, «рубеж второго и третьего тысячелетий ознаменовался, несомненно, еще более мощным всплеском научного, общественного, читательского интереса к феномену Гоголя. По-новому открываются богатство и сложность духовного мира писателя, смысл его напряженных религиозно-нравственных исканий в исследованиях ученых так называемого ”религиозного” литературоведения (Е.И. Анненкова, И.А. Виноградов, В.А. Воропаев, С.А. Гончаров, М.М. Дунаев, И.А. Есаулов, В.А. Котельников и др.), методология и выводы сторонников которого неоднозначно воспринимаются в современной науке» [Вильнова, 2008].

Все больше работ посвящено тому, что подчеркивается постепенное, поступательное движение Н.В. Гоголя: «в его мировоззрении какой-то резкой ломки не было. Он всегда был православным, церковным человеком, но, конечно, молодости свойственны увлечения, он был в творческом поиске, у него была творческая эволюция» [Иеромонах Симеон (Томачинский)]. Рассмотрение биографии и творчества писателя через призму его религиозного мирозерцания является основным подходом И.А. Виноградова и В.А. Воропаева. С точки зрения последнего, «Гоголь был православным христианином, и его православие было не номинальным, а действенным, – без учета этого мы мало что поймем в его жизни и творчестве. Гений Гоголя до сих пор остается неизвестным в желаемой полноте не только широкому читателю, но и литературоведам, которые при

нынешнем состоянии отечественной науки, очевидно, не всегда способны осмыслить судьбу писателя и его зрелую прозу» [Гоголь, 2009, Т. 1: 14].

Говоря о творческом и жизненном пути Н.В. Гоголя, Иеромонах Симеон, отмечает тот факт, что «в середине сороковых годов у него действительно был духовный кризис, который заставил его пересмотреть свое отношение к творчеству, но тот же “Тарас Бульба”, первая редакция, был написан, когда Гоголю было двадцать с небольшим лет. Впоследствии он создал вторую редакцию, но все христианские идеи уже присутствовали в первой. А, скажем, “Ревизор”, который многие воспринимали просто как сатирическое произведение, обличающее нравы? Гоголь многократно пытался объяснить, что он вкладывал более глубокий смысл в это произведение, что каждый должен на свою душу посмотреть, что все эти чиновники олицетворяют собой страсти, господствующие в человеке, а настоящий ревизор – это истинная совесть, в отличие от “ветреной совести”, которую олицетворяет Хлестаков» [Иеромонах Симеон (Томачинский)].

Что касается конкретно гомилетической составляющей творчества Н.В. Гоголя, то видеть начало гоголевской проповеди принято в письмах, которые датируются временем написания первого тома «Мертвых душ», а ее прямое воплощение – в «Выбранных местах из переписки с друзьями». Несомненно, что именно работа над сюжетом «Мертвых душ» кардинально изменила мировосприятие Н.В. Гоголя, его «приход к Христу» и проповедническую позицию. Однако проповедническое начало в творчестве писателя возникает задолго до этого. «Раннее творчество Гоголя, если взглянуть на него с духовной точки зрения, открывается неожиданной для обыденного восприятия стороны: оно не просто собрание веселых рассказов в народном духе, но и обширное религиозное поучение, в котором происходит борьба добра со злом и добро неизменно побеждает, а грешники наказываются (“Ночь перед Рождеством”, “Сорочинская ярмарка”, “Вий”). Эта же борьба – но уже в более утонченной форме, иногда со злом невидимым – явлена и в “Петербургских повестях”; как прямая защита

Православия предстает она в «Тарасе Бульбе»» [Гоголь, 2009, Т.1–2: 21]. И.А. Виноградов также отмечает, что «с самого первого художественного цикла Гоголь вступает в литературу не только как веселый, оригинальный рассказчик, но и как глубокий, связанный с православной отечественной традицией мыслитель» [Там же: 504].

Актуальность работы обусловлена природой творчества Н.В. Гоголя, которая предстает как загадочная для многих поколений ее интерпретаторов. Исследование наследия писателя с учетом религиозно-нравственной, христианской составляющей позволяет более адекватно понять и истолковать как отдельные произведения, так и их целостность, обнаруживая при этом поступательное движение внутренних авторских интенций. До сих пор в науке не было попыток проследить связь между ранними и поздними произведениями Н.В. Гоголя с позиции зарождения и эволюции проповеднического начала. В означенной проблематике и заключается наш научный интерес.

Материалом работы послужили: цикл повестей «Вечера на хуторе близ Диканьки», поэма «Мертвые души», а также «Выбранные места из переписки с друзьями» Н.В. Гоголя. Несомненно, за пределами данной работы остается обширное творческое наследие писателя, что позволяет нам в дальнейшем продолжить исследование в рамках данной темы.

Объектом нашего исследования является жанр проповеди, а **предметом** – проповеднические мотивы в произведениях Н.В. Гоголя.

Цель работы: рассмотрение генезиса жанра проповеди, выявление связей между народно-мифологическим и христианским началом в раннем творчестве Н.В. Гоголя, становления жанра проповеди в позднем творчестве, выявление связи проповеднических мотивов в поэме «Мертвые души» с подобным же мотивным комплексом в «Выбранных местах из переписки с друзьями», а также с другими ранними произведениями.

На основании поставленных целей нами были определены следующие **задачи:**

1. Рассмотреть теоретические основания жанра проповеди в литературоведении, лингвистике и гомилетике, определить ее жанровые признаки.

2. Проанализировать синтез фольклорного и христианского дискурса Н.В. Гоголя в «Вечерах на хуторе близ Диканьки».

3. Проанализировать проповеднический дискурс Н.В. Гоголя – от поэмы «Мертвые души» и далее.

В нашей работе использован ряд подходов и **методов**. Кроме структурно-типологического метода и метода мотивного анализа, мы используем биографический и интертекстуальный подход.

Данное исследование состоит из: введения, в котором дается общая информация по тематике и обрисован круг рассматриваемых вопросов; первой главы, где представлена теоретическая база; второй главы, посвященной анализу «Вечеров на хуторе близ Диканьки»; третьей главы, в которой исследуется поэма «Мертвые души»; заключения и списка литературы.

ГЛАВА 1. ПРОПОВЕДЬ В НАУЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

1.1. Определение понятия проповеди в гомилетике и лингвистике

В гомилетике, науке о христианской церковной проповеди, дается определение термина в широком смысле: «это распространение каких-либо идей, знаний, истин, учений или верований, которое осуществляет их убеждённый сторонник. С этой точки зрения проповедью может быть названо распространение не только религиозных, но и любых иных взглядов. Соответственно, под христианской проповедью в широком смысле следует понимать распространение христианами своего вероучения. Наиболее ясно суть христианского проповедничества выражена в словах Христа, засвидетельствованных евангелистом Матфеем. Обращаясь к апостолам после Своего Воскресения, Господь говорит: “Идите, научите все народы, крестя их во имя Отца и Сына и Святаго Духа, уча их соблюдать все, что Я повелел вам”» (Мф 28, 19–20) [Гомилетика].

Согласно «Настольной книге священнослужителя», задачу проповеди составляют: «1) раскрытие и уяснение в сознании верующих богооткровенных истин христианской веры; 2) побуждение их сообразовать свою жизнь с христианским учением» [Настольная книга священнослужителя, 1986: 7].

В лингвистике, в том числе стилистике, применяется иной подход к определению изучаемого термина, который также требует внимания и необходим для выделения характерных признаков и задач проповеди.

Церковная проповедь – «это речь религиозно-назидательного характера, с которой священнослужитель обращается к верующим во время богослужения» [Прохватилова, 1999: 123].

В проповеди, мы, следуя за О.А. Крыловой, М.И. Кожиной, В.А. Салимовским и др. [Кожина, Дускаева, Салимовский, 2008], видим специфический [Шмелев, 1999] жанр церковно-религиозного стиля

[Крылова, 2006]. В качестве основного стилеобразующего фактора, согласно пониманию О.А. Крыловой, принимается сфера общественной деятельности, определяющая формы общественного сознания (религия, право, наука, искусство, политика, быденное сознание) [Крылова, 2006: 48]. Эта деятельность формирует подсистемы литературного языка, имеющие свой набор жанров в соответствии с коммуникативно-целевыми установками. [Звездин, 2012: 52–53].

Д.А. Звездин дает лингвистическое определение более узкое – православной проповеди, включающее в себя набор ее признаков: «это исторически сложившийся формально монологический жанр церковно-религиозного стиля современного русского литературного языка, существующий на его нормированной структурно-системной основе, использующий церковнославянские, книжные и архаичные элементы, “самодостаточный” по отношению к композиции богослужения, реализуемый преимущественно в устной форме священником православной церкви, ориентированный на массового, социолингвистически неоднородного адресата (паства) с целью решения одной или комплексного решения нескольких коммуникативных задач: “исповедания веры” пастырем, ознакомления с верой, утверждения в вере, информирования, нравственного воспитания, обучения паствы в рамках православных мировоззренческих и ценностных установок» [Звездин, 2012].

Т.В. Ицкович рассматривает проповедь с тексто-стилистической точки зрения и вслед за Л.Ю. Ивановым дает жанровое определение проповеди: «жанр конфессионального общения. Религиозное назидание или наставление, как правило, морально-этического характера, произнесенное или написанное авторитетным лицом – представителем какого-либо вероучения. <...> В христианстве проповедью называют наставительную речь, обращенную к прихожанам, которую священник произносит в храме после литургии. Задачей проповеди является сообщение и разъяснение слушателям того или иного положения христианского вероучения»

[Культура русской речи: Энциклопедический словарь-справочник, 2003: 515].

«Ближе к риторической точке зрения следующее определение: церковная проповедь – “это речь религиозно-назидательного характера, с которой священнослужитель обращается к верующим во время богослужения” [Прохватилова,1999: 123]. Проповедь – это “основной жанр церковного красноречия: убеждающее поучительное слово священнослужителя, произносимое с церковного амвона (места перед алтарем) и обращенное к пастве – людям, пришедшим в церковь молиться и воспринимать Слово Божие” [Матвеева, 2003: 255]» [Ицкович, 2007: 16].

На основе вышеприведенных определений мы можем выделить следующие жанрово-функциональные признаки проповеди:

1. распространение каких-либо идей, знаний, истин, учений или верований убежденным сторонником,
2. религиозно-назидательный, поучительный, морально-этический характер,
3. сфера общественной деятельности (религия, право, наука, искусство, политика, быденное сознание),
4. ориентированность на массового адресата (верующие, паства, народ),
5. адресант – авторитетное лицо, священник.

Целями и задачами проповеди являются:

1. сообщение и разъяснение слушателям того или иного положения христианского вероучения,
2. побуждение верующих следовать христианским заповедям,
3. информирования, нравственного воспитания, обучения паствы в рамках православных мировоззренческих и ценностных установок,
4. нацеленность на реализацию двух стратегий: самоидентификации (нацеленность на осознание общности единоверцев и их отличия от других) и стратегии фасцинации (эмоциональное воздействие) [Салахова, 2006: 5].

Говоря об особенностях проповеди как жанра церковно-религиозного стиля, Д.А. Звездин указывает, что «информацию, сообщаемую проповедником пастве, можно считать не только содержательной, но и содержательно-концептуальной как несущей идею нравственного усовершенствования, преображения человека» [Звездин, 2012: 72]. Исследователь также отмечает, что «проповедь одновременно несет информацию о предмете, выражает отношение к нему проповедника и оказывается поэтически украшена» [Там же], при этом «адресант не отделяет себя от адресатов проповеди» [Шмелев, 1999: 224].

Т.В. Ицкович, анализируя темы жанра проповеди, определяет, что для нее характерно тематическое двуединство: предметная тема, отражающая реальное событие, и духовная, связанная с реализацией вероучения на базе нравственных «понятий христианства: вера, надежда, любовь, свет, спасение, милосердие, грех, покаяние и др.». Т. е. посредством предметной темы слушатель подводится к сути, выражаемой духовными понятиями [Ицкович, 2007: 37].

Особенности категории модальности и оценочности в проповеди заключаются в том, что для нее «характерна учительная тональность, включающая в себя не только указания, “как вести себя в различных жизненных обстоятельствах” [Ицкович 2007: 21], но и в предостережениях, запретах (более или менее категоричных), в нравственных оценках проповедником поступков и явлений, в тактике объяснения» [Звездин, 2012: 74].

Если обращаться к категории текстового времени, то для жанра проповеди характерны два временных плана: временное и вечное. Д.А. Звездин, цитируя Матвееву, указывает на то, что здесь «очень важно “объективное время”, относительно адекватно отраженное в тексте реальное время, когда события текста ставятся в связь с реальными моментами» [Матвеева, 2006] [Звездин, 2012].

1.2. Осмысление понятия «проповедь» в литературоведении

Жанр церковной проповеди заимствован из Византии. На Руси известно большое количество переводных трудов («слова», «поучения» и т. д.) отцов церкви. «Духовные пастыри произносили свои проповеди или предлагали сочинения отцов церкви. Были проповедники <...> которые стремились слагать проповеди самостоятельно. <...> Важную роль в становлении древнерусской письменности в целом и проповеди в частности сыграли творения восточно-христианских отцов церкви, которые в своих беседах, словах-поучениях разъясняли смысл Священного Писания, догматов православия, обличали еретические лжеучения и нравственные пороки, распространяли нормы христианской морали» [Сибирёва, 2008: 86].

Л.В. Левжун, говоря о функциональных особенностях проповеди как жанра литературы, указывает на следующие специфические признаки:

1. Функциональный дуализм проповеди – «выступая посредницей между Богом и людьми, с одной стороны, преобразует божественный императив в понятия, доступные человеческому разумению, а с другой, наоборот, согласует категории человеческого мышления с богооткровенной истиной» [Левжун, 1992: 10];

2. Научение богопознанию как одна из уникальнейших особенностей проповеди: в предельно доступной форме дается знание о Непостижимом, духовная энергия слушателей направляется на общение с Абсолютом и таким образом учит своих слушателей самостоятельно, уже без помощи проповедника, достигать подобного духовного «собеседования» с Богом [Там же];

3. Харизматичность, позволяющая характеризовать проповедь как истечение Божественной истины в слово проповедника [Там же];

Также Л.В. Левжун определяет признаки проповеди, позволяющие отнести ее к самостоятельному жанру:

1. Интуитивное знание (откровение как начальный этап и необходимое условие, генезис проповеднического произведения);
2. Неслиянное гармоническое единство в проповеди боговдохновенной Истины (непостигаемой до конца и неопишуемой) и разработанных человеческим разумом приемов, позволяющих представить некий образ этой Истины;
3. Внутренняя диалогичность, то есть обязательный учет того, как аудитория реагирует на сказанное, и активное вовлечение слушателей в сопереживание, в со-зерцание, в со-познание;
4. Популярность, общедоступность (в расчете на данную аудиторию);
5. Свободное общение двух волей (пастыря и пасомого), не принуждение, не диктат, не навязывание своего субъективного взгляда на то или иное явление, но предоставление всякий раз права свободного выбора на основании сообщенного знания;
6. Соборность как свободное же осознание невозможности индивидуально обладать Истиной;
7. Эгзегетическое типизирование как основной принцип восприятия и осмысления и откровенной, и реальной действительности, а также как основной принцип построения словесного образа проповеди – текста;
8. Драматичность – проповедь как действие словом;
9. Непреходящая актуальность;
10. Отношение ко времени, к человеческой истории как к зоне вечности, как к материальному и временному проявлению предвечно существующей идеи божественного домостроительства [Левжун, 1992: 18–19];
11. Сюжетное разнообразие, объясняющееся:
  - Универсальностью образов, соотносимых с «любыми явлениями реальной действительности, способными вмещать в себя, облекать собою любые факты, тем самым давая им объяснение» [Там же: 13];

- Конкретностью и сиюминутностью.

В основе проповеди лежит исходное событие, текст, некий идеальный архетип, воплощаемый, но никогда полностью невоплотимый в бесчисленных образах, явлениях [Там же: 12].

Задачей проповедника является раскрытие для осмысления в сознании верующих основ христианской веры и, как результат, побуждение их сообразовывать свою жизнь с христианским учением. Проповедь является способом передачи учения народу [Сибирёва, 2008: 94].

Как отмечает М.В. Сибирёва, с XVII–XVIII веков церковная книжность перестает существовать как предмет литературоведческого внимания, присоединяется к изящной словесности, но при этом продолжает существовать и развиваться [Там же: 12–13].

В.А. Воропаев, говоря о генезисе культурной и духовной жизни России XIX века, указывает на то, что русская классическая литература «возникла на духовном фундаменте тысячелетней России. Древнерусская, по преимуществу церковная, литература была весьма самобытна. И наша классика в своей глубине всегда была христианской. Не зря же русских писателей так тянуло в Оптиную Пустынь. Вспомним Гоголя, Достоевского, даже Льва Толстого, не говорю о фигурах менее значимых. В Оптиной Гоголь прочитал книгу преподобного Исаака Сирина, с которой позднее старцем Макарием было сделано печатное издание. И ему многое открылось в понимании природы человеческой души» [Воропаев, 2007]. Также В.А. Воропаев отмечает, что русская литература – это не только общепринятая, классическая, но и духовная литература, с особыми, присущими только ей жанрами, изучение которой только началось: «настоящая картина отечественной словесности гораздо обширнее и богаче расхожих представлений о ней. Огромный пласт ее был насильственно отторгнут от нашей культуры. Русские духовные писатели – такие, как святители Филарет Московский, Игнатий (Брянчанинов), Феофан Затворник, как и писатели XVIII века – святители Димитрий Ростовский и Тихон

Задонский, – продолжали в нашей литературе святоотеческую традицию. Они были действительно народными писателями, хотя народ мог и не знать их имен. Четьи-Минеи святителя Димитрия читала вся грамотная Россия. Или вот, например, Андрей Николаевич Муравьев, замечательный писатель, издавший при жизни около пятидесяти книг, значит, были у него читатели. А духовные журналы... Посмотрите библиотечные каталоги – какие журналы читали в России прошлого века» [Воропаев, 2007].

Аналогичное мнение высказывает и протоиерей Андрей Ткачев «литература вообще, она, конечно, евангельская – наша европейская литература имеет евангельские корни. Всё, что у нас есть, – это из Евангелия, из Ветхого и Нового Заветов, из Библии. Есть спор о литературных сюжетах: некоторые говорят, что их всего лишь пять, некоторые нашли пятнадцать, некоторые нашли их тридцать, но не более, корневых сюжетов. И они все библейские. Блудный сын, история Иосифа, осудили целомудренного, украли и нашли» [Ткачев, 2015]. Русская литература, по его словам, «это христианская проповедь, которая заговорила на литературном языке, когда у Церкви был забит кляпом рот (*Петром I – прим.*), <...> ее необходимо изучать, потому что это то, что говорили бы священники, если бы они умели в то время говорить» [Ткачев, 2015].

Д.Г. Демидов в статье «Язык современной русской духовной литературы» указывает на трудность введения понятия “духовная литература”, которая заключается в том, что она принципиально не может быть противопоставлена прочей, будто бы недуховной литературе» [Демидов, 1999: 26]. Он также отмечает связь хорошей художественной литературы и душеспасительной, которая заключается в том, что «всегда так или иначе затрагиваются духовные вопросы <...> в смысле исканий правды Божьей, признаков присутствия духа Святого» [Там же].

Кроме того, существует и противоположный взгляд на связь духовной литературы и светской. Так, например, диакон В. Пантин в статье «Светская литература с позиции духовной критики (современные проблемы)» говорит,

что «в духовную жизнь вводят нас, конечно, Священные Писания, образующие нас посредством учений таинственных» [Пантин, 1999: 36]. Искусство же – это эстетическое наслаждение, которое не может заменить религию [Там же: 35]. «Если оно движется не на путях истинного любомудрия, божественной любви и воли, в своих попытках создать истинный (правдивый) образ мира <...> дает образ искаженный, ущербный по отношению к сущему воистину, <...> обособляясь от истинной философии в специальную сферу, пытается дать знание и научение о мире вообще <...>, дает знание и научение более или менее ложное в отношении сущностной цели бытия человека в мире сем – спасения» [Пантин, 1999: 37–38].

Соглашаясь с мнением профессора Киевской духовной академии Ф.А. Терновского, выраженным в статье «Об отношении между духовною и светскою литературою» (1862), В. Пантин обращает внимание на тот факт, что до государственных реформ Петра I «вся сумма литературных произведений принадлежала к литературе духовной», а «так называемая “изящная словесность” наших предков заключалась в разных апокрифических преданиях, легендах, сказаниях о путешествиях русских людей ко святым местам и т. п.» [Там же: 38–39]. Оба автора отмечают сродство таких произведений с духовной литературой по причине обилия религиозных элементов и наличия соответствующих внутренних качеств, несмотря на занимательность и свободу вымысла. После реформы Петра I образовались два вида литературы (существующих совместно, не становившихся ни в какое отношение друг к другу) – духовная и светская. При этом, говоря о последней, автор отмечает влияние на нее только литературы Запада и национального фольклора [Там же: 39].

В. Пантин указывает на скрытую опасность «в стремлении духовных авторов, не примиряясь с идеологическими заблуждениями писателей, примириться с их талантливыми творениями», когда они при этом пытаются найти в такой литературе доброе, «тихое веяние животворного духа

христианства» [Пантин, 1999: 40]. Аналогичное мнение высказывает и М. И. Маслова в статье «О “христианском духе” русской литературы: pro et contra». Говоря о проповеди в художественной литературе, она называет трагедией для большинства представителей классической литературы невозможность осуществить замысел и указать путь ко Христу и указывает на то, что «Церковь в подобной проповеди не нуждается, поскольку она сама имеет своих, так сказать профессиональных, проповедников, облеченных духовной властью для такой проповеди» [Маслова, 2009]. М.И. Маслова аргументирует свою точку зрения словами петербургского профессора А.М. Любомудрова: «Широко распространенное мнение, что русская классика проникнута “христианским духом”, требует серьезных корректировок. Если понимать под христианством не расплывчатый набор гуманистических “общечеловеческих” ценностей и нравственных постулатов, а систему миропонимания, включающую в себя прежде всего принятие догматов, канонов, церковного предания, – т.е. христианскую веру – то придется констатировать, что русская художественная литература отразила христианство в очень малой степени. Причины этого в том, что литература Нового времени оказалась оторванной от Церкви, выбрав такие мировоззренческие и культурные ориентиры, которые, по сути, противоположны христианским» [Захаров, 1998: 6].

Указывая на принципиальное различие между словесностью, действительно являющей христианский дух, и литературой, лишь декларирующей духовность, но по сути духовной не являющейся, М.И. Маслова говорит о том, что «в первом случае мы получаем знание о Боге и законах божественного миропорядка; во втором случае мы получаем эстетическое удовлетворение от соприкосновения с естественной красотой и материальной ценностью мира сего. Книжность духовная дает человеческому духу направление ввысь, к познанию Бога, в Царствие Небесное. Литература классическая дает тому же человеческому духу мощный импульс для преобразования царства земного, хотя и по образу и

подобию Небесного, но чрезвычайно “заземляя” при этом творческий потенциал человека» [Маслова, 2009].

По нашему мнению, ключом к разрешению противоречий будет решение вопроса, что понимать под Православием. На этот факт указывает профессор В.Н. Захаров: «Необходимо условиться, что понимать под Православием. Для А.М. Любомудрова Православие – догматическое учение, и его смысл определен катехизисом. При таком подходе православными могут быть только духовные сочинения. Между тем Православие не только катехизис, но и образ жизни, мировосприятие и миропонимание народа. В этом недогматическом смысле говорят о православной культуре и литературе, о православном человеке, народе, мире и т. п.» [Захаров, 1998: 7].

М.В. Сибирёва говорит о том, что духовную литературу могли писать не только лица духовного звания. Основным критерием для определения грани между светской и духовной прозой и поэзией будет являться духовное мировоззрение писателя и выражение этого мировоззрения в художественных произведениях [Сибирёва, 2008: 75]. «Один и тот же автор может создавать духовные произведения и сочинения иных разновидностей литературы» [Демидов, 1999: 27].

ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 1

В современной науке проповедь трактуется 1) в узком смысле как христианское церковное наставление, преподаваемое в храме за литургией, имеющее своей задачей разъяснить слушающим учение Иисуса Христа, 2) в широком смысле как распространение каких-либо идей, знаний, истин, учений или верований, которое осуществляет их убеждённый сторонник.

Цель проповеди – побуждение слушателей следовать христианским заповедям. Тема проповеди должна не только отражать духовную связь с вероучением, но и реальные события, иметь связь с современностью. «Тем более действенной станет проповедь, чем точнее в рассуждениях или образах проповедник укажет на недостатки действительности» [Алексеева, 1999: 98–99].

Русская классическая литература имеет глубокую связь с духовной литературой, так как возникла на ее основе, она обращается к тем же вопросам, использует свои механизмы в донесении нравственных истин и выражает духовное мировосприятие автора. Литература выполняет задачу, сходную с той, которую выполняют сочинения духовных писателей – изучает душу, ее светлые и темные стороны, в конечном итоге ведет ее к исцелению и совершенству.

ГЛАВА 2. ФОЛЬКЛОРНО-МИФОЛОГИЧЕСКОЕ И ХРИСТИАНСКОЕ НАЧАЛО В «ВЕЧЕРАХ НА ХУТОРЕ БЛИЗ ДИКАНЬКИ»

2.1. Творчество Н.В. Гоголя и русская критика

Поэма Н.В. Гоголя «Мертвые души» – одно из величайших произведений русской и мировой литературы. С самого момента выхода в свет оно является объектом острой критики, несмолкаемой полемики, пристального внимания не только ученых, но и общественных деятелей и духовенства. Несомненным остается одно – важность занимаемого поэмой места в творчестве Гоголя и в духовно-интеллектуальной жизни России. «Никогда бы он < Н.В. Гоголь > не занял того места, которое занимает среди русских писателей, если бы не поэма “Мёртвые души”. Задуманные сначала как смешной анекдот “Мёртвые души” стали делом всей жизни писателя, а ведь дошедшие до нас первый и часть второго тома лишь “крыльцо” к грандиозному замыслу “дворца” всей поэмы» [Синяк, 2005].

Однако, несмотря на обилие материалов исследований жизни и творчества Н.В. Гоголя, полтора столетия в науке господствовала «теория двух Гоголей», сформированной под влиянием В.Г. Белинского. Согласно ей, Н.В. Гоголь – талантливый писатель, сатирик, изменивший своему дару в конце своей жизни и творчества. Е.В. Синяк отмечает в своей диссертации влияние позиции критика на мнение современников и советских литературоведов: «Большинство современников Гоголя представляло автора поэмы “Мёртвые души” как сатирика, обличителя общественных и человеческих пороков. Работы исследователей этой эпохи очень интересны и глубоки, например, труды В.Г. Белинского, на которые опираются многие ученые. Восприятие Гоголя как писателя-сатирика господствовало не только среди современников автора поэмы, её придерживались и после многие поколения исследователей, а в советское время такая точка зрения считалась

единственно правильной. Литературоведы рассматривали и объясняли художественные особенности поэмы, систему образов, расстановку персонажей, художественные приемы с этой позиции» [Синяк, 2005].

Подтверждает эту мысль и И. П. Золотусский, который говорит о двух репутациях Н.В. Гоголя: первая – «обличителя, сатирика, беспощадного к России и к её народу», вторая – «”другой” Гоголь (после появления “Выбранных мест”) – апологет самодержавия и крепостничества». Такая ситуация сложилась в следствие того, что «оппоненты объявили “Выбранные места” “падением” Гоголя и изменой художеству и прежним радикальным идеям (которых у него, кстати, никогда не было)» [Золотусский, 2009].

И.А. Виноградов также указывает на влияние зальцбруннского письма к Н.В. Гоголю В.Г. Белинского, а также на оценки этого письма В.И. Ульяновым (Лениным) при истолковании гоголевского творчества. «С одной стороны, гоголевские произведения, и прежде всего “Ревизор” и “Мертвые души”, ставились в ряд прямой политической сатиры, с другой – утверждалось мнение, будто, вследствие изменившегося у писателя в конце жизни мировоззрения, он вступил в противоречие со своим гением» [Виноградов, 2003: 227]. Виноградов отмечает, что такое противопоставление «раннего – якобы “антиславянофильского” – и позднего, “славянофильского” периодов в творческой биографии Гоголя имеет своим началом продиктованную прежде всего политическими мотивами тенденциозность» В.Г. Белинского. Таким образом, критический взгляд на позднее творчество Н.В. Гоголя возобладал со второй половины XIX века, и произошло это по внелитературным причинам. Он был массово поддержан в советском литературоведении: «обличение крепостничества было официально признано главным и едва ли не единственным содержанием “Мертвых душ”» [Там же]

Основным итогом данной ситуации явилось то, что Н.В. Гоголя «как мыслителя, в самом широком смысле этого слова, исследователи так и не узнали. Произведения автора, написанные после поэмы “Мёртвые души”,

были преданы забвению, и только к началу двадцатого столетия образ Н.В. Гоголя как религиозного мыслителя, гражданина, публициста, был некоторым образом восстановлен» [Синяк, 2005].

У.С. Алексеева в работе, посвященной «Выбранным местам из переписки с друзьями», указывает на следующую причину появления такого «неверного» толкования творчества писателя: «Догматическая церковность у большинства вызывала неприятие, а уж тем более попытка Гоголя проникнуть со знаменем религии в бытовую и социальную сторону жизни. И выбор критики был ограничен: либо пересмотреть важнейшие произведения Гоголя и в первую очередь поэму “Мертвые души”, а это может повлечь за собой определенную перестройку в понимании современного литературного процесса, либо вырвать “Переписку” из контекста всего творчества писателя, списать ее на неуравновешенность психики автора, на его “болезненную мнительность”, которая привела к религиозной экзальтации и так или иначе сгубила уникальный талант. Так родилась теория двух Гоголей, хотя специально она никем не создавалась, но сразу же начала циркулировать в литературной среде, стана проскальзывать в печати. Эта теория свидетельствует, что на самом деле писателя не просто не поняли в этот раз, когда он написал свою книгу, а и раньше до конца не понимали, когда в соответствии с духом времени “трактовали” его произведения» [Алексеева, 1999: 9–10].

Ключом к решению проблемы (по мнению И.А. Виноградова) является открытие на рубеже XX и XXI веков Н.В. Гоголя как христианского писателя. «Именно обращение к христианским – православным – основам художественного мирозерцания Гоголя даст ключ к разрешению проблем, встающих при изучении его биографии и творчества» [Виноградов, 2003: 3].

Несмотря на то, что это открытие позволило сделать большой шаг вперед в раскрытии глубинного смысла творчества автора, есть и его противники. Они говорят о невозможности излагать христианские истины средствами художественной литературы. В частности М.И. Маслова говорит,

что церковь не нуждается в подобной проповеди, для этого она имеет своих облеченных духовной властью проповедников. В доказательство своей идеи она приводит слова профессора А.М. Любомудрова: «Широко распространенное мнение, что русская классика проникнута “христианским духом”, требует серьезных корректировок. Если понимать под христианством не расплывчатый набор гуманистических “общечеловеческих” ценностей и нравственных постулатов, а систему миропонимания, включающую в себя прежде всего принятие догматов, канонов, церковного предания, – т. е. христианскую веру – то придется констатировать, что русская художественная литература отразила христианство в очень малой степени. Причины этого в том, что литература Нового времени оказалась оторванной от Церкви, выбрав такие мировоззренческие и культурные ориентиры, которые, по сути, противоположны христианским» [Маслова, 2009]. В своей статье она приходит к выводу, что только духовная книжность может привести человека к познанию Бога.

Диакон В. Пантин также противопоставляет светскую и духовную литературу, отмечая, что «изображение зла и уродливых явлений жизни с благородной на первый взгляд целью – обличить порок, осудить общественные язвы может нести в себе отрицательное содержание»: ненависть к конкретным людям, правительству, но главное, что описание негативных сторон делает и писателей, и читателей менее чувствительными к «ужасу преступления и отвращению от порока» [Пантин, 1999: 53]. Примером такого «негативного» результата для В. Пантина является творчество Н.В. Гоголя, и в частности его поэма «Мертвые души», где «порок талантливо представлен <...> и при этом не “отрицается” теми же художественными средствами, какими и создаются его образцы» [Там же: 53–54]. Образы Чичикова, Плюшкина под пером Н.В. Гоголя сделались «во многом привлекательными для непосредственного читателя». Также В. Пантин указывает на то, что духовный перелом писателя «начался с

отречения от художественного творчества» и привел его к написанию «Выбранных мест из переписки с друзьями» [Пантин, 1999: 55].

Считаем необходимым отметить, что приведенные примеры рассуждений исследователей о невозможности соединения в светской художественной литературе и духовной больше основаны на споре, что понимать под православием: догматическое учение с четкими границами и потребителями (Священное Писание, сочинения отцов церкви, предание, Церковь, клир и паства) или образ миропонимания и жизнестроительства человека, народа.

2.2. Эстетика Н.В. Гоголя и художественное пространство в «Вечерах на хуторе близ Диканьки»

Как отмечает И.А. Виноградов, «обращение к народному творчеству позволило писателю сделать первый шаг к реалистическому изображению действительности». По его словам, благодаря этому, Н.В. Гоголю удалось и расширить свой арсенал художественно-выразительных средств, и в то же время «окунуться в мир, знакомый с детства». А как мы знаем, духовное совершенствование Н.В. Гоголя, продолжавшееся на протяжении всей его жизни, корнями своими уходит в его детство. Также И.А. Виноградов отмечает, что обращение к фольклору – «отнюдь не простое переложение народных сказок» и приводит слова самого писателя из «Учебной книги словесности для русского юношества» (1845): «сказка может быть созданием высоким, когда служит аллегорическою одеждою, облекающею высокую духовную истину, когда обнаруживает ощутительно и видимо даже простолюдному делу, доступное только мудрецу» [Виноградов, 2000: 8]. Именно такая сказка воссоздается Н.В. Гоголем в его «Вечерах на хуторе близ Диканьки».

В свете христианской традиции автора важно отметить его особое отношение к народным поверьям, фольклору: «по словам писателя в статье

“Взгляд на составление Малороссии” (1832–1835), в самом народе “языческие поверья, детские предрассудки, песни, сказки, славянская мифология” порой бессознательно, “простодушно”, смешивались с христианством, то для писателя сказка – отнюдь не средство реставрации обветшалых “языческих поверий” и “детских предрассудков” (исследователи употребили уже немало усилий, пытаясь здесь найти ключ к пониманию ранних гоголевских произведений)» [Виноградов, 2000: 8–9].

Таким образом, «для Гоголя сказка – возможность заговорить с читателем на языке художественных образов о самой истине, в незамысловатом повествовании преподать серьезный нравственный урок» [Виноградов, 2000: 9].

Если говорить о художественном пространстве, создаваемом Н.В. Гоголем, то «”предполагаемое” пространство в “Вечерах” существует только в верованиях персонажей. Это фольклорно-мифологическое мировое дерево и божественная лестница (“Майская ночь”), бесчисленные упоминания об аде и рае, смутные воззрения не далекие страны. В представлениях о царстве Бога и дьявола герои точно соблюдают традиционную вертикаль: Бог – на небе, дьявол – под землей, но по своему образному наполнению соответствуют не ортодоксальному, а народному православию. Рай и ад описываются как материальные миры» [Ветчинкина, 2005: 14].

В.В. Гиппиус в своей работе «Творческий путь Гоголя» дает описание характерного изображения потустороннего, отрицательного мира Н.В. Гоголем: «Чертовщина изображена в тонах нарочитого примитива, смешного, прежде всего, своей наивностью: черти внешне похожи либо на людей, либо на животных и наделены чертами человеческой психологии, вплоть до жадности к деньгам. Но этот примитив включен в наивную психологию героев, показан как отражение их подлинных верований» [Гиппиус].

Также В.В. Гиппиус подчеркивает, что изображение автором верований героев или неверия в нечистую силу – лишь побочная линия в задумке повестей, так как уже в первой повести «Вечер накануне Ивана Купала» центральной темой в сюжете выдвигается «история о гибели Петруся, ценой преступления получившего нечистое богатство». «Гоголь ставил в своей повести тему борьбы за богатство, тему денег, но деньги истолковывались им в условном, романтическом плане, как “зло мира” и бесовское начало» [Гиппиус].

Т.Ю. Алленова в диссертации о категориях ирреального ужасного в художественном пространстве Н.В. Гоголя приводит слова В. И. Мильдона об эстетике писателя, в которой «заключено представление о дуальности человека, его божески-бесовской натуре, полученной от рождения. Куда пойти, к Богу ли, к бесу, решает сам человек» [Алленова, 2000: 20]. При этом «важной особенностью художественного мира ряда повестей “Вечеров” становится не конфликт персонажей “своего” и “чужого” миров, а соперничество / противостояние между персонажами “своего” мира. Лейтмотивом становится в цикле отчуждение и демонизм “своих” <...> В “Сорочинской ярмарке” и “Майской ночи” актуализируется традиционный (и фольклорный, и литературный) архетип злой, демонической мачехи. И в то же время самые близкие люди – родные, а не приемные родители – оказываются в “Вечерах” на поверку чужими, враждебными» [Ветчинкина, 2005: 17].

Говоря о полюсах православной феноменологии Гоголя и его художественном пути, О.А. Комков говорит о том, что писатель шел «путем от противного, от формулирования воплощений inferнального как реальности, противостоящей, с православной точки зрения, свету Истины, к осознанию телеологии преобразования как преодоления этой inferнальности» [Комков, 2001: 133], что мы и наблюдаем на протяжении всех повестей. Н.В. Гоголь активно и последовательно отражает отрицательное начало и

лишь в некоторых повестях дает некоторые наметки дороги духовного преображения, ориентиров.

2.3. Фольклорно-мифологические образы в «Вечерах на хуторе близ Диканьки» и их связь с христианством

2.3.1. Образ дьявола

И.А. Виноградов отмечает, как наиболее характерную черту «Вечеров на хуторе близ Диканьки», «пристальный интерес рассказчика к тому участию, какое принимает в судьбах его героев нечистая сила – “обстояние бесовское”, или, говоря словами Гоголя позднейшей эпохи его жизни – “твердое признание незримых сил”, окружающих повсюду человека» [Виноградов, 2000: 13].

Уже в первой повести «Вечеров на хуторе близ Диканьки», «Сорочинской ярмарке» Н.В. Гоголь предостерегает своих читателей и отмечает, что дьявол незаметен в жизни: *«– Бог знает, что говоришь ты, кум! Как можно, чтобы черта впустил кто-нибудь в шинок? Ведь у него же есть, слава богу, и когти на лапах, и рожки на голове. – Вот то-то и штука, что на нем была шапка и рукавицы. Кто его распознает?»* [Гоголь, 2009, Т. 1–2: 101]. В последней повести «Вечеров на хуторе близ Диканьки» – «Заколдованном месте» – рассказчик дает наставление своим читателям, о том, что черт – лжец, обманом он отворачивает нас от истинного пути: *«И с той поры залял дед и нас верить когда-либо черту. – И не думайте! – говорил он часто нам, – все, что ни скажет враг господа Христа, все солжет, собачий сын! У него правды и на копейку нет!»* [Там же: 277].

Фольклорные образы нечистой силы: чертей, ведьм, колдунов – в повестях самим автором объединяются и проводятся в параллель христианским образам сатаны, дьявола. Так, например, в «Страшной мести» старый есаул выносит иконы для благословления молодых. Они *«достались*

ему от честного схимника, старца Варфоломея. Не богата на них утварь, не горит ни серебро, ни золото, но никакая нечистая сила не посмеет прикоснуться к тому, у кого они в доме» [Гоголь, 2009, Т. 1–2: 209]. Именно эти скромные, но намоленные иконы и выявляют в толпе колдуна, которого есаул называет «сатаной»: *«Пропади, образ сатаны, тут тебе нет места! – И, зашипев и щелкнув, как волк, зубами, пропал чудный старик»* [Там же: 210]. Таким образом, самым автором в тексте соединяется народное и христианское.

Однако следует еще раз обратить внимание на тот факт, что, несмотря на некоторую власть «незримых сил», «Гоголь в то же время не забывает, что видимая, внешняя брань нечистой силы с людьми прикрывает порой и вполне реальные – уже не “сказочные” и не фантастические – искушения лукавого, подверженность которым героев гоголевские рассказчики в “простоте” своей считают подчас делом “обыкновенным” и даже безгрешным – не имеющим ничего общего со злыми духами. Эти-то воздействия темных сил и представляют собой, по Гоголю, действительную брань добра и зла за души людей – брань куда более серьезную и опасную, чем благополучные путешествия героев в “пекло” и обратно народных легенд и анекдотов. И эту брань в самых “сказочных” своих повестях Гоголь изображает уже вполне реалистически; легенды и вымыслы лишь оттеняют беспечность героев, им предающихся» [Виноградов, 2000: 15].

Здесь мы считаем уместным перейти к описанию реальных воплощений «дьявола» в жизни.

2.3.2. Образы золота, драгоценностей, мотив красоты

В повести «Страшная месть» Н.В. Гоголь прямо связывает образ дьявола и золота: *«Однако ж, думаю, он не без золота и всякого добра. Вот где живет этот дьявол! Если у него водится золото...»* [Гоголь, 2009, Т. 1–2: 212]. А также указывает на то, что стремление к материальным благам –

это и есть продажа души дьяволу: *«Мы сейчас будем плыть мимо крестов – это кладбище! тут гниют его нечистые деды. Говорят, они все готовы были себя продать за денежку сатане с душою и ободранными жупанами»* [Гоголь, 2009, Т. 1–2: 212]. Этот отрывок с прямым сопоставлением золота и дьявола принадлежит второй части «Вечеров на хуторе близ Диканьки», но уже и в первой части Н.В. Гоголь более прозрачно, но также ясно указывает на такую связь.

С мотивами золота, драгоценностей связывается мотив соблазна богатствами, материальными благами. В «Вечере накануне Ивана Купала» предлагается описание того, как дьявол искушает девиц драгоценностями, украшениями: *«В этом-то хуторе показывался часто человек, или, лучше, дьявол в человеческом образе. Откуда он, зачем приходил, никто не знал. Гуляет, пьянствует и вдруг пропадет, как в воду, и слуху нет. Там, глядь – снова будто с неба упал, рыскает по улицам села, которого теперь и следу нет и которое было, может, не дальше ста шагов от Диканьки. Понаберет встречных козаков: хохот, песни, деньги сыплются, водка – как вода... Пристанет, бывало, к красным девушкам: надарит лент, серег, монист – девать некуда! Правда, что красные девушки немного призадумывались, принимая подарки: бог знает, может, в самом деле перешли они через нечистые руки»* [Там же: 115]. И здесь, в словах «девушки немного призадумывались», писатель указывает на то, что поле борьбы добра со злом – человеческая душа, и только от нас зависит выбор.

Утопленницы, как представительницы потустороннего, демонического мира, с одной стороны, и как олицетворение молодой девушки, с другой стороны, связываются с мотивом украшений, драгоценностей: *«в тонком серебряном тумане мелькали легкие, как будто тени, девушки в белых, как луг, убранный ландышами, рубашках; золотые ожерелья, монисты, дукаты блистали на их шеях»* [Там же: 149], и также с мотивом соблазна материальными благами: утопленница соблазняет героя богатствами для того, чтобы он исполнил ее волю: *«Парубок, найди мне мою мачеху! Я ничего*

не пожалею для тебя. Я награжу тебя. Я тебя богато и роскошно награжу! У меня есть зарукавья, шитые шелком, кораллы, ожерелья. Я подарю тебе пояс, унизанный жемчугом. У меня золото есть... Парубок, найди мне мою мачеху!» [Гоголь, 2009, Т. 1–2: 148–149].

С мотивом богатства, дорогих подарков связывается Н.В. Гоголем и ложное выражение заботы, проявление неистинной любви. Так, в повести «Майская ночь, или Утопленница», сотник, собираясь привести в дом новую жену, отвечает на вопрос дочери, останется ли его любовь к ней прежней говорит: *«Буду, моя дочка; еще крепче прежнего стану прижимать тебя к сердцу! Буду, моя дочка; еще ярче стану дарить серьги и монисты!»* [Там же: 130]. Оксана в «Ночи перед Рождеством» говорит о подарках отца, влияющих на выбор лучшего жениха: *«Да, парубки, вам ли чета я? вы поглядите на меня, – продолжала хорошенькая кокетка, – как я плавно выступаю; у меня сорочка шита красным шелком. А какие ленты на голове! Вам век не увидеть богаче галуна! Все это купил мне отец мой для того, чтобы на мне женился самый лучший молодец на свете!»* [Там же: 173].

Также ярко в «Вечерах на хуторе близ Диканьки» выстраивается ассоциативный ряд внешняя красота – скрытая или явная принадлежность к миру зла, дьявола. Физическая красота новой жены сотника в «Майской ночи, или Утопленнице» скрывает под собой демоническое начало: *«Привез сотник молодую жену в новый дом свой. Хороша была молодая жена. Румяна и бела собою была молодая жена; только так страшно взглянула на свою падчерицу, что та вскрикнула, ее увидевши; и хоть бы слово во весь день сказала суровая мачеха»* [Там же: 130]. А потом «угадала панночка, что мачеха ее ведьма».

Внешняя красота утопленницы, представительницы мира зла описывается следующим образом: *«Длинные ресницы ее были полуопущены на глаза. Вся она была бледна, как полотно, как блеск месяца; но как чудна, как прекрасна! Она засмеялась...»* [Там же: 148]. Прямое указание на связь нарядности панночек, их внешней красоты, блеска украшений, и

«нечистого»: *«Ведьм такая гибель, как случается иногда на рождество выпадет снегу: разряжены, размазаны, словно панночки на ярмарке. И все, сколько ни было их там, как хмельные, отплясывали какого-то чертовского тропака»* [Гоголь, 2009, Т. 1–2: 160]. Этот же эпизод отмечает И.А. Виноградов в своей статье-предисловии «И по ту, и по эту сторону Диканьки», говоря о том, что «Гоголь как художник высоко ценил красоту и дорожил ею. Греховное и недостойное ее употребление он считал “святоотатственным”. В “Вечерах на хуторе близ Диканьки” тема греховного употребления красоты является одной из ключевых» [Там же: 511].

Но с внешней красотой, нарядами связаны не только образы женщин, в «Ночи перед Рождеством» присутствует описание и образа черта-франта (франт – тот, кто нарядно, изысканно одет, кто любит наряжаться; щеголь): *«В то время, когда проворный франт с хвостом и козлиною бородою летал из трубы и потом снова в трубу»* [Там же: 180].

Отдельно следует упомянуть линию описаний нарядов, красивой одежды, как атрибутов женщины, принадлежащей к миру зла, греха, искушения. В «Ночи перед Рождеством» описывается наряд Солохи, представительницы демонического, ведьмы, которая автором прямо именуется «черт-бабой»: *«А пойдет ли, бывало, Солоха в праздник в церковь, надевши яркую плахту с китайчатой запаскою, а сверх ее синюю юбку, на которой сзади нашиты были золотые усы, и станет прямо близ правого крылоса, то дьяк уже верно закашливался и прищуривал невольно в ту сторону глаза; голова гладил усы, заматывал за ухо оселедец и говорил стоявшему близ его соседу: “Эх, добрая баба! черт–баба!”»* [Там же: 176]. В этом же рассказе присутствует характеристика Оксаны, данная кузнецом Вакулой, которая также прямо указывает на принадлежность героини антимиру и невозможность быть доброй женой: *«Да что Оксана? с нее никогда не будет доброй хозяйки; она только мастерица рядиться»* [Там же: 181].

В «Сорочинской ярмарке» Н.В. Гоголь описывает богатый наряд жены Черевика и тут же отмечает ее отношение к демоническому миру, оно выражено в искаженности внешнего облика, прочитывается при взгляде на нее (далее оно проявлено в ее несдержанности и грубости): *«Неугомонная супруга... но мы и позабыли, что и она тут же сидела на высоте воза, в нарядной шерстяной зеленой кофте, по которой, будто по горностаевому меху, нашиты были хвостики, красного только цвета, в богатой плахте, пестревшей, как шахматная доска, и в ситцевом цветном очипке, придававшем какую-то особенную важность ее красному, полному лицу, по которому проскальзывало что-то столь неприятное, столь дикое, что каждый тотчас спешил перенести встревоженный взгляд свой на веселенькое личико дочки»* [Гоголь, 2009, Т. 1–2: 88–89]. Здесь же идет описание ее восемнадцатилетней падчерицы, дочери Черевика, в котором, несмотря на сюжетное противостояние ее и мачехи, также начинают проявляться некоторые черты принадлежности к миру зла. Она красива: *«на возу сидела хорошенькая дочка с круглым личиком, с черными бровями, ровными дугами поднявшимися над светлыми карими глазами, с беспечно улыбающимися розовыми губками, с повязанными на голове красными и синими лентами, которые, вместе с длинными косами и пучком полевых цветов, богатою короною покоились на ее очаровательной головке»* [Там же: 88]; ее, также как и мачеху-ведьму, увлекает соблазнительный материальный мир: *«По лицу его дочки заметно было, что ей не слишком приятно тереться около возов с мукою и пшеницею. Ей бы хотелось туда, где под полотняными ятками нарядно развешаны красные ленты, серьги, оловянные, медные кресты и дукаты»* [Там же: 91].

В «Вечерах на хуторе близ Диканьки» Гоголь постоянно связывает мотив внешней красоты с мотивами соблазна, морока, околдованности, смерти. Оксана в «Ночи перед Рождеством» – не просто героиня, а некий обобщающий образ красавиц. Она капризна: *«Оксана знала и слышала все, что про нее говорили, и была капризна, как красавица»* [Там же: 172]; горда,

самолюбива, эгоистична: *«Я вижу теперь, что я совсем не хороша! – и, отдвигая несколько подалее от себя зеркало, вскрикнула: – Нет, хороша я! Ах, как хороша! Чудо! Какую радость принесу я тому, кого буду женою! Как будет любоваться мною мой муж! Он не вспомнит себя. Он зацелует меня насмерть»* [Гоголь, 2009, Т. 1–2: 172–173]. Олицетворением образа порочной красоты также выступает «река-красавица» в «Сорочинской ярмарке»: *«река-красавица блистательно обнажила серебряную грудь свою, на которую роскошно падали зеленые кудри дерев. Своенравная, как она в те упоительные часы, когда верное зеркало так завидно заключает в себе ее полное гордости и ослепительного блеска чело, лилейные плечи и мраморную шею, осененную темною, упавшею с русой головы волною, когда с презрением кидает одни украшения, чтобы заменить их другими, и капризам ее конца нет, – она почти каждый год переменила свои окрестности, выбирая себе новый путь и окружая себя новыми, разнообразными ландшафтами»* [Там же: 89]. В этом образе также явно прочитываются признаки греховности красоты: она связана с соблазном, телесностью, эротизмом, гордостью, презрением и капризностью.

2.3.3. Образы представителей духовенства

Как отмечает И.А. Виноградов, «духовное лицо должно быть в миру “средоточием набожности и благочестия”» [Виноградов, 2000: 22]. И в первом же произведении цикла «Вечеров на хуторе близ Диканьки», в «Сорочинской ярмарке», мы встречаем представителя церкви, Афанасия Ивановича, для которого смысл поста совершенно утрачен. «Для него пост становится временем “приношений” от селян, пожертвований мирян» [Там же]:

«Каково же вы поживаете? Я слыхала, что пан-отцу перепало теперь немало всякой всячины!»

– Суцая безделица, Хавронья Никифоровна; батюшка всего получил за весь пост мешков пятнадцать ярового, проса мешка четыре, книшей с сотню, а кур, если сосчитать, то не будет и пятидесяти штук, яйца же большею частью протухлые. Но воистину сладостные приношения, сказать примерно, единственно от вас предстоит получить, Хавронья Никифоровна! – продолжал попович, умильно поглядывая на нее и подсовываясь поближе» [Гоголь, 2009, Т. 1–2: 98].

В этом же отрывке Н.В. Гоголь открывает тему неумеренности, чрезмерности в жизни, еде, несоблюдения поста представителями духовенства:

«– Вот вам и приношения, Афанасий Иванович! – проговорила она, ставя на стол миски и жеманно застегивая свою будто ненарочно растянувшуюся кофту, – варенички, галушечки пшеничные, пампушечки, товченички!

– Бьюсь об заклад, если это сделано не хитрейшими руками из всего Евина рода! – сказал попович, принимаясь за товченички и подвигая другою рукою варенички» [Там же].

Здесь необходимо пояснить, что именно представляют собой упомянутые малороссийские блюда. В статье «Сладостные приношения, любимые писателем Гоголем и фрейлиной Смирновой-Россет» в журнале «Наука и жизнь» приводятся описания этих блюд с рецептами их приготовления: «Товченики представляют собой кулинарные изделия в форме шариков, приготовленных из рубленого мяса, смешанного с мукой, перцем, солью и отваренных в кипятке. Свое старинное название получили в те времена, когда мясорубок еще не было и поэтому нарезанное кусочками мясо дополнительно измельчали – “товчили” сечкой или ножами. Готовые товченики подают на стол с луком, жаренным на подсолнечном масле.

Галушки – это комочки теста разной формы, сваренные в воде, молоке или бульоне. Их делают чаще всего из пшеничной или гречневой муки, реже – из манной крупы. Это старинное, простое в изготовлении блюдо,

многочисленные рецепты которого передаются из поколения в поколение, редко удостоиваясь внимания кулинарных книг. Едят галушки горячими с маслом или чаще с салом со шкварками, а также с ветчиной, нарезанной мелкими кубиками.

Пампушки – кондитерское изделие, очень напоминающее пышные пончики из дрожжевого теста. В то же время “Большой толковый словарь современного украинского языка” (2005) утверждает, что пампушечка в переносном смысле означает: “Товста, пухка дитина або жінка”. Небольшие шарообразные или плоские, с сахарной пудрой сверху или с вареньем внутри, с маком или без ничего, но всегда пышные, вкусные и привлекательные пампушечки, пекут к приходу гостей, по праздникам и воскресеньям. Ржаные пампушки делали на каждый день и подавали к борщу.

Вареники – украинское блюдо, приготовленное из бездрожжевого теста с разнообразными начинками, среди которых, конечно на первом месте стоят вишни, а на втором – творог. Тесто для вареников делают из пшеничной или из пшеничной пополам с гречневой муки самого тонкого помола, яиц, воды и соли [Сокольский, 2015].

Мы можем сделать вывод, что священнослужитель Афанасий Иванович в еде неводержан, а аскеза ему явно не свойственна. Герой подвержен одной из восьми страстей, или грехов, – «чревообъядение» / «чревоугодие». «Иногда восемь страстей называют смертными грехами. Такое название страсти имеют потому, что могут (если полностью завладеют человеком) нарушить духовную жизнь, лишить спасения и привести к вечной смерти» [Гумеров, 2009].

Мотив чревоугодия и пьянства духовных лиц Н.В. Гоголь повторяет не раз в «Вечерах на хуторе близ Диканьки», например, в «Ночи перед Рождеством», тем самым автор акцентирует внимание читателя. Так, козак Чуб, встретив кума, интересуется, не был ли тот «у дьяка на новой хате», и добавляет, что *«там теперь будет добрая попойка!»* [Гоголь, 2009, Т. 1–2:

170]. Замечательно и описание кутьи в честь Рождества, на которую приглашены: *«голова; приехавший из архиерейской певческой родич дьяка в синем сюртуке, бравший самого низкого баса; козак Свербыгуз и еще кое-кто; где, кроме кутьи, будет варенуха, перегонная на шафран водка и много всякого съестного»* [Гоголь, 2009, Т. 1–2: 168–169].

Для полной картины греховности дьяка и представителей власти необходимо также дать комментарий по поводу понятия «кутья» – это «кушанье из риса, которое едят на поминках и на похоронах» [Иллюстрированный словарь забытых и трудных слов, 1998: 87]. Кроме того, существует традиция «голодной кутьи» перед большими христианскими праздниками – «в этот день до первой звезды соблюдали очень строгий пост, то есть воздерживались от еды и пили совсем понемногу, после первой звезды садились за стол и ели постные или по-другому голодные блюда» [Крещенский сочельник: традиции и обряды]. «Также считалось, что в эту ночь в дом хотят проникнуть разные нечистые силы, поэтому кутью называли голодной, чтобы и вся нечисть оставалась голодной. На столе обязательно были традиционные: узвар, кутья (постная, заправленная растительным, чаще всего конопляным маслом, маковым или ореховым молоком и медом) и, конечно, освященная вода, с которой и начинали трапезу. На голодную кутью, все блюда были постными, и их количество было 7, 9, 12, как и в Рождественский сочельник» [Там же]. Как мы видим, предполагаемое застолье у дьяка из «Ночи перед Рождеством» далеко от приведенного описания скромной трапезы.

Продолжая список «смертных грехов», нарушений правил благочестивого поведения священнослужителями, нельзя не отметить такой грех, как прелюбодеяние. Н.В. Гоголь многократно создает эпизоды, описывающие нарушение седьмой заповеди. В «Сорочинской ярмарке» попovich посещает ночью сожительницу Черевика:

«– Сюда, Афанасий Иванович! Вот тут плетень пониже, поднимайте ногу, да не бойтесь: дурень мой отправился на всю ночь с кумом под возы,

чтоб москали на случай не подцепили чего. Так грозная сожительница Черевика ласково ободряла трусливо лепившегося около забора поповича, который поднялся скоро на плетень и долго стоял в недоумении на нем, будто длинное страшное привидение, измеривая оком, куда бы лучше прыгнуть, и, наконец, с шумом обрушился в бурьян» [Гоголь, 2009, Т. 1–2: 97–98]. И далее приводится диалог героев, прямо поясняющий намерения «наместника Бога на земле», желающего любви «несравненной Хавроньи Никифоровны»:

«– Однако ж, Хавронья Никифоровна, сердце мое жаждет от вас кушанья послаще всех пампушечек и галушечек.

– Вот я уже и не знаю, какого вам еще кушанья хочется, Афанасий Иванович! – отвечала дородная красавица, притворяясь непонимающею.

– Разумеется, любви вашей, несравненная Хавронья Никифоровна! – шепотом произнес попович, держа в одной руке вареник, а другою обнимая широкий стан ее» [Там же: 98].

Н.В. Гоголь продолжает эту тему и в «Ночи перед Рождеством». Описывая Солоху, мать кузнеца Вакулы, автор отмечает, что та *«так умела причаровывать»*, что хаживал к ней *«и голова, и дьяк Осип Никифорович (конечно, если дьячихи не было дома)»* [Там же: 176]. Но Солоха была не единственной «дамой сердца» священнослужителя, также втайне от жены он посещал ткачиху:

«– Срамница! вишь, чем стала попрекать! – гневно возразила баба с фиолетовым носом. – Молчала бы, негодница! Разве я не знаю, что к тебе дьяк ходит каждый вечер? – Ткачиха вспыхнула. – Что дьяк? к кому дьяк? что ты врешь?» [Там же: 203–204].

Опасения дьяка, что он может быть скомпрометирован встречами с Солохой, заключаются лишь в том, *«чтобы не узнала его половина, которая и без того страшную рукою своею сделала из его толстой косы самую узенькую»* [Там же: 183]. Ни о каком раскаянии и речи не идет.

В предыдущем эпизоде важно отметить и поведение дьячихи, которая присоединилась к разговору ткачихи и «бабы с фиолетовым носом»:

«– Дьяк? – пропела, теснясь к спорившим, дьячиха, в тулупе из заячьего меха, крытом синюю китайкой. – Я дам знать дьяка! Кто это говорит – дьяк?»

– А вот к кому ходит дьяк! – сказала баба с фиолетовым носом, указывая на ткачиху.

– Так это ты, сука, – сказала дьячиха, подступая к ткачихе, – так это ты, ведьма, напускаешь ему туман и поишь нечистым зельем, чтобы ходил к тебе?»

– Отвяжись от меня, сатана! – говорила, пятась, ткачиха.

– Вишь, проклятая ведьма, чтоб ты не дождала детей своих видеть, негодная! Тьфу!.. – Тут дьячиха плюнула прямо в глаза ткачихе» [Гоголь, 2009, Т. 1–2: 203–204].

Мы видим, что дьячиха также не является образцом добродетели. Она несдержанна: сквернословит, проклинает, плюет. Также отдельно необходимо отметить, что в тексте ее прямо называют «сатаной».

Речевое выделение темы «зла» отмечает Т. Ю. Алленова: «Н.В. Гоголь, начавший раздвигать рамки литературного языка для просторечия уже в своих ранних произведениях, использует в пределах художественного текста “Вечеров” и “Миргорода” лексические и лексико-фразеологические единицы, обозначающие нечистую силу, в качестве бранных выражений, характеризующих, как правило, речь персонажей, сообщая ей дополнительную экспрессию и эмоциональность» [Алленова, 2000: 12].

«– Вишь, как ругается! – сказал парубок, вытаращив на нее глаза, как будто озадаченный таким сильным залпом неожиданных приветствий, – и язык у нее, у столетней ведьмы, не заболит выговорить эти слова» [Гоголь, 2009: 90]. В этом примере через слова героя прямо выражается, что сквернословие – это прямой маркер категории зла.

2.3.4. Изображение народа

Следуя поговорке «каков поп, таков и приход», Н.В. Гоголь рисует нам картины из народной жизни, прямо соответствующие вышеупомянутому поведению представителей духовенства. В вышеприведенных примерах мы можем наблюдать и представителей народа: любовницы Хавронья, Солоха и ткачиха, участники застолий и «попоек» у дьяка – голова, казаки Свербыгуз и Чуб. Здесь же приведем эпизод из «Ночи перед Рождеством», описывающий утреннюю молитву в Рождество: *«Дивчата, у которых на головах намотана была целая лавка лент, а на шее монист, крестов и дукатов»* во время службы *«помышляли о том, как они будут ковзаться с хлопцами на льду»*, голова *«облизывался, воображая, как он разговееется колбасою»* [Гоголь, 2009, Т. 1–2: 205]. Очевидно, что причиной отступления от благочестивого поведения является в том числе и дьяк, который должен быть главным положительным примером.

Отступление от благочестия может упоминаться Н.В. Гоголем вскользь. Например, в «Пропавшей грамоте», описывая повалившийся на одну сторону шинок, он сравнивает его с бабой *«на пути с веселых крестин»* [Там же: 156]. Но чаще автор рисует образцы поведения персонажей в обычной жизни.

Мы видим, что примеру дьяка следуют и другие. В «Ночи перед Рождеством» они также заходят вместо церкви к Солохе: *«Шел ли набожный мужик, или дворянин, как называют себя козаки, одетый в кобеняк с видлогою, в воскресенье в церковь или, если дурная погода, в шинок, – как не зайти к Солохе, не поестъ жирных с сметаною вареников и не поболтать в теплой избе с говорливой и угодливой хозяйкой. И дворянин нарочно для этого давал большой крюк, прежде чем достигал шинка, и называл это – заходить по дороге»* [Там же: 176]. Размышлявшие о развращении нравов, могут сами легко решиться на воровство и утащить чужие мешки: *«– Вишь,*

какие мешки кто-то бросил на дороге! <...> Утащить скорее, чтобы кто ни увидел» [Гоголь, 2009, Т. 1–2: 192].

В другом эпизоде «Ночи перед Рождеством» можно с большой долей вероятности предположить описание взяточничества представителей власти: *«Прежде, бывало, в Миргороде один судья да городничий хаживали зимою в крытых сукном тулупах, а все мелкое чиновничество носило просто нагольные; теперь же и заседатель и подкоморий отсмалили себе новые шубы из решетиловских смушек с суконною покрывашкою. Канцелярист и волостной писарь третьего году взяли синей китайки по шести гривен аришин. Пономарь сделал себе нанковые на лето шаровары и жилет из полосатого гаруса. Словом, все лезет в люди!»* [Там же: 170]. Для понимания сказанного необходимо также дать пояснение некоторых слов: «Нагольный – сшитый из шкур, кожей наружу и не покрытый тканью (о тулупе, шубе и т. п.)» [Иллюстрированный словарь забытых и трудных слов, 1998: 106]. «Смушка – шкурка, мех новорожденного ягненка некоторых ценных пород» [Большой толковый словарь, 1998]. «Подкоморий – судья, занимавшийся вопросами межеваний владений» [Там же: 138]. «Китайка – плотная, преимущественно синяя ткань (шелковую привозили преимущественно из Китая, хлопчатобумажную производили в России)» [Там же: 77]. «Нанка – хлопчато-бумажная ткань из толстой пряжи, обычно буровато-желтого цвета, из которой шили дешевую одежду» [Там же: 107]. «Гарус – хлопчатобумажная ткань, на ощупь похожая на шерсть» [Там же: 41].

Мы видим, что чиновники, имеющие дело с вопросами межеваний владений и занимающие высокий пост, внезапно приобрели себе шубы из дорогого меха, те же, кто был ниже по должности, обогатились, видимо, чуть меньше, но все равно приоделись.

Делая такую зарисовку из жизни чиновничества, Н.В. Гоголь восклицает, подчеркивая исключительную материальность людских устремлений: *«Когда эти люди не будут суетны!»* [Гоголь, 2009, Т. 1–2: 170]. И.А. Виноградов отмечает эту важную особенность творческого

мышления Н.В. Гоголя: «...постоянный интерес писателя к незаметному, “обыкновенному” греху – такому, совершение которого в обществе подчас не только не порицается, но даже поощряется, превращается в “нестыдный обычай” и обязанность – в “закон”. Борьбу с общепринятыми “законами света” Гоголь начал с самых ранних произведений. Позднее, в статье “Чем может быть жена для мужа в простом домашнем быту, при нынешнем порядке вещей в России” (1846), он писал: “... настоящее *comme il faut* есть то, которое требует от человека Тот Самый, Который создал его, а не тот, который сочиняет всякий день меняющиеся этикетки...”» [Гоголь, 2009, Т. 1–2: 511–512].

Н.В. Гоголь постоянно акцентирует внимание на обыденности греховных действий. Солоха ради материальной выгоды не желает семейного счастья своему сыну Вакуле, и *«она прибегнула к обыкновенному средству всех сорокалетних кумушек: ссорить как можно чаще Чуба с кузнецом»* [Там же: 177]. Или вот так описано обычное поведение запорожца на примере Пузатого Пацюка: *«Сначала он жил, как настоящий запорожец: ничего не работал, спал три четверти дня, ел за шестерых косарей и выпивал за одним разом почти по целому ведру; впрочем, было где и поместиться, потому что Пацюк, несмотря на небольшой рост, в ширину был довольно увесист»* [Там же: 187]. Перед нами рисуется образ обыденной лени, пьянства, сплетен, ссор.

2.3.5. Изображение семейных отношений

Не оставляет в стороне Н.В. Гоголь и семейные отношения. О прелюбодеянии было сказано выше. Но это не единственный негативный аспект семейной жизни, к которым обращается автор. Не раз упоминается рукоприкладство жены по отношению к мужу, например, в «Сорочинской ярмарке»: *«Тут Черевик наш заметил и сам, что разговорился чересчур, и закрыл в одно мгновение голову свою руками, предполагая, без сомнения, что*

разгневанная сожительница не замедлит вцепиться в его волосы своими супружескими когтями» [Гоголь, 2009, Т. 1–2: 95–96]; или в «Ночи перед Рождеством»: «Но опасения дьяка были другого рода: он боялся более того, чтобы не узнала его половина, которая и без того страшную рукою своею сделала из его толстой косы самую узенькую» [Там же: 183].

Яркую картину семейной жизни рисует Н.В. Гоголь в следующем эпизоде «Ночи перед Рождеством»: *«Кумова жена была такого рода сокровище, каких немало на белом свете. Так же как и ее муж, она почти никогда не сидела дома и почти весь день пресмыкалась у кумушек и зажиточных старух, хвалила и ела с большим аппетитом и дралась только по утрам с своим мужем, потому что в это только время и видела его иногда. Хата их была вдвое старше шаровар волостного писаря, крыша в некоторых местах была без соломы. Плетня видны были одни остатки, потому что всякий выходивший из дому никогда не брал палки для собак, в надежде, что будет проходить мимо кумова огорода и выдернет любую из его плетня. Печь не топилась дня по три. Все, что ни напрашивала нежная супруга у добрых людей, прятала как можно подальше от своего мужа и часто самоуправно отнимала у него добычу, если он не успевал ее пропить в шинке. Кум, несмотря на всегдашнее хладнокровие, не любил уступать ей и оттого почти всегда уходил из дому с фонарями под обоими глазами, а дорогая половина, охая, плелась рассказывать старушкам о бесчинстве своего мужа и о претерпенных ею от него побоях» [Там же: 193].* Здесь представлены агрессивная жена, побитый ею муж, его пьянство, лень и нежелание вести домашнее хозяйство как со стороны мужа, так и со стороны жены. Печь, символ домашнего очага, не топится по три дня. Отсутствие доверия между мужем и женой, отношения, строящиеся на презумпции враждебности партнера.

Еще одна черта характера нарисована Н.В. Гоголем в «Ночи перед Рождеством» – распускание слухов. В диалоге ткачихи и «бабы в козацкой свитке, с фиолетовым носом» показано автором рождение сплетни о

самоубийстве кузнеца Вакулы. Аргументирование своей позиции и ссылками на чужую речь, и клятвами: *«Утонул! ей-богу, утонул! вот чтобы я не сошла с этого места, если не утонул!»*, *«Вот чтобы мне воды не захотелось пить, если старая Переперчиха не видела собственными глазами, как повесился кузнец!»*, *«Он утонул! утонул в пролубе! Это я так знаю, как то, что ты была сейчас у шинкарки»*. Также необходимо отметить, что участие в этом эпизоде принимает и голова, живо интересуясь «новостями»: *«Кузнец повесился? вот тебе на! – сказал голова, выходявший от Чуба, остановился и протеснился ближе к разговаривавшим»* [Гоголь, 2009, Т. 1–2: 203–204].

ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 2

Под влиянием теории «двух Гоголей», начавшей свое развитие с В.Г. Белинского, долгое время в гоголеведении не рассматривалась связь художественных произведений писателя и его духовных сочинений. В авторе большинства литературоведов видело только сатирика, обличающего Россию и ее народ. Несмотря на длительное господство этой теории, к началу XXI века исследователи открывают Н.В. Гоголя как христианского писателя, что позволяет сделать важные открытия в понимании основ творчества писателя, ключевых идей его произведений.

Уже в «Вечерах на хуторе близ Диканьки» намечаются те особенности гоголевской проповеди, которые в дальнейшем станут важной составляющей его творчества. Не смотря на то, что прямых обращений к читателям или героям, как это будет в «Мертвых душах» и «Выбранных местах из переписки с друзьями», мы не встречаем, в неявном виде в тексте присутствует авторская оценка быта, нравов, поступков героев с точки зрения христианских норм и правил. Гоголь стремится указать на пороки общества, перевернутую систему ценностей и опасность таких подмен. За сказочностью, веселостью, игрой, смехом видны коренные негативные проблемы общества. Кроме того, уже здесь разрабатывается мотив поиска пути, ведущего к исправлению, который в дальнейшем станет одним из ключевых в творчестве Н.В. Гоголя.

ГЛАВА 3. ПРОПОВЕДНИЧЕСКИЕ МОТИВЫ В ПОЭМЕ Н.В. ГОГОЛЯ «МЕРТВЫЕ ДУШИ»

Как отмечает А.Х. Гольденберг, «вопрос о роли дидактических жанров в творчестве Гоголя традиционно увязывают с поэтикой “Выбранных мест”, построенных по жанровой модели учительного сборника, и восходящей, по мнению Ю. Н. Тынянова, к проповедям XVIII в. Между тем, начиная с “Ганца Кюхельгартена”, дидактическое начало неизменно проявляется в художественных текстах писателя» [Гольденберг, 2013]. Автор статьи выделяет следующие признаки проповеди в поэме Гоголя «Мертвые души»:

- уровень системы отношений автор – читатель – герой, характерный для гомилетической традиции. С ней связан проповеднический пафос авторских обращений к читателю;
- авторские обращения к персонажам, которые «принимают форму нравственного укора»;
- формы авторской речи, маркированные переключением иронической повествовательной интонации на серьезный дидактический тон, характерный для учительного слова;
- инверсия стилистических принципов русской проповеди, заключающаяся в том, что на внутреннем уровне поэмы «высокие» слова и понятия профанируются, как только попадают в сферу речи гоголевских героев. Происходит эмоциональная деформация пафоса таких учительных мотивов, но при этом сохраняется основная жанровая функция – нравственно поучать и укорять;
- вслед за Стерном, который обосновывал применение в своих церковных проповедях иронии и смеха тем, что главным является желание автора «сделать людей лучше, подвергнув осмеянию то, что <...> этого заслуживало или приносило вред истинному просвещению», Н.В. Гоголь определяет своеобразие своего комического таланта формулой «смех сквозь слезы»;

- обращенность гоголевского смеха не к внешнему, а к внутреннему человеку, что в свою очередь смыкается с телеологией пастырского слова [Гольденберг, 2013].

О проповедническом слове в «Мертвых душах» говорит в своей работе, посвященной «Выбранным местам из переписки с друзьями», У.С. Алексеева. Она выделяет следующие уникальные черты гоголевской проповеди, которые присутствуют в исследуемом ею произведении в более обостренном виде, чем «Мертвых душах»:

- громогласность и высокий пафос, «рассыпанные» по формальным и частным поводам;
- выстраивание картины «государственного» масштаба из совокупности всех частных писем;
- близость проповеди к барочной традиции: эмоциональная насыщенность, алогизмы, внутренняя непоследовательность. Тенденция к быстрым переходам с мысли на мысль, от последовательных рассуждений к резким эмоциональным порывам, от тоски к восторгу, от самоуничтожения до крайнего дидактизма;
- четкий отпечаток времени, концентрация проблемы на острие конкретного времени, что является серьезным отличием проповеди Гоголя;
- очень точные, конкретные, часто категоричные советы и рекомендации своим адресатам.

Такие уникальные черты проповеди, по словам У.С. Алексеевой, не возникли из ниоткуда, а формировались в течение творческого пути писателя [Алексеева, 1999].

Уже в первой главе, как отмечает Е.А. Смирнова, звучат слова, близкие проповеди Лазаря Барановича и Стефана Яворского, раскрывая «близкие этим представителям украинско-польской школы в традиции православного “слова” темы земной суеты и загробного возмездия» [Смирнова].

Обратимся к самому тексту. Чичиков приезжает на губернаторский прием, где гости сравниваются Н.В. Гоголем с «воздушными эскадронами

мух»: *«Насыщенные богатым летом, и без того на всяком шагу расставляющим лакомые блюда, они влетели вовсе не с тем, чтобы есть, но чтобы только показать себя, пройтись взад и вперед по сахарной куче, потереть одна о другую задние или передние ножки, или почесать ими у себя под крылышками, или, протянувши обе передние лапки, потереть ими у себя над головою, повернуться и опять улететь и опять прилететь с новыми докучными эскадронами»* [Гоголь, 2009, Т. 5: 15]. «Из приведенного отрывка ясно, что люди, послужившие объектом этого уподобления, бездельники и тунеядцы, чья жизнь – вечный праздник. Но есть еще одно слово, которым можно определить образ существования гоголевских людей-мух. Это слово – суета. Им обозначается одно из ключевых понятий в морализующей мысли барокко (*vanitas*), и если мы поищем что-либо подобное нарисованной Гоголем картине в проповедях Стефана Яворского, в одной из них окажется очень близкое сравнение людей с рыбами: “Первое людей с рыбами подобие: рыбы в водех погружаются и в них плавают, бегают сюда и туда, будто за каким делом гоняются и скорое течение творят, аки бы по какой нужде и потребе: а они плавают бездельно, суетное и бездельное их плавание, напрасные по водам труды, суетное и бескорыстное их так скорое течение и движение. Так слово в слово и человецы...”» [Смирнова].

Далее Н.В. Гоголь начинает рассуждать о «толстых» и «тонких» чиновниках. В ироничной (на первый взгляд) манере он дает описание, соединяя при этом взаимоисключающие вещи: *«почетные чиновники в городе», «служившие Богу и государю, заслужившие всеобщее уважение»,* которые при этом *«умеют лучшие на этом свете обделывать дела свои»,* занимая государственные места, постепенно копят *«в шкатулках благодать божью»:* *«в конце города дом, купленный на имя жены», «близ города деревенька, потом село»* [Гоголь, 2009, Т. 5: 16]. Тут же Н.В. Гоголь называет конкретно, кто же эти «знакомые лица»: прокурор, почтмейстер, председатель палаты. Мы видим авторское обращение к читателю,

характерное для гоголевской проповеди, в котором обличается один из фрагментов «картины государственного масштаба».

В начале второй главы автор, обращаясь к читателю, описывает крепостного Петрушку, характеризуя его внутреннюю ограниченность (говорится о чтении книг, *«содержанием которых не затруднялся»*). Далее он резко меняет тему своего рассуждения и переходит к прямому обличению одного из пороков русского человека: *«таков уже русский человек: страсть сильная зазнаться с тем, который бы хотя одним чином был его повыше, и шапошное знакомство с графом или князем для него лучше всяких тесных дружеских отношений»* [Там же: 21]. В третьей главе Н.В. Гоголь продолжает тему межличностных отношений, основанных на чинопочитании, описывая *«оттенки и тонкости нашего обращения»*, в зависимости от размера состояния или занимаемой должности. Правитель канцелярии среди своих подчиненных – *«Прометей, решительный Прометей!»* рядом с кем-то высшего чина превращается в *«спешащую куропатку»*, в *«муху, меньше даже мухи, ... в песчинку»* [Там же: 49].

Во второй же главе мы можем также обратить внимание на еще один гоголевский прием, отмеченный А.Х. Гольденбергом: инверсия стилистических принципов русской проповеди: «В первом томе наблюдается устойчивая стилевая закономерность: “высокие” слова и понятия профанируются, как только они попадают в сферу речи гоголевских героев. Не стала исключением в этом плане и традиция пастырских поучений. Ее приемами и лексикой охотно пользуются Чичиков, Собакевич, Плюшкин, ряд персонажей второго тома» [Гольденберг, 2013]. Так, Чичиков, заключив свою сделку с Маниловым произносит следующую фразу: *«Да и действительно, чего не потерпел я? Как барка какая-нибудь среди свирепых волн... Каких гонений, каких преследований не испытал, какого горя не вкусил, а за что? За то, что соблюдал правду, что был чист на своей совести, что подавал руку и вдовице беспомощной, и сироте-горемыке!..»* [Гоголь, 2009, Т. 5: 37]. Или в эпизоде уговоров Коробочки продать ему

мертвые души: *«Из одного христианского человеколюбия хотел: вижу, бедная вдова убивается, терпит нужду»* [Там же: 54]. Таким образом, герой «создает автопортрет праведника, каким его рисовали учительные “слова”», ведь «в свой моральный кодекс поучения непременно включали формулу, восходящую к библейской заповеди: “научитесь делать добро, ищите правды, защищайте сироту, вступайтесь за вдову” (Исайя, I, 17). Упрек, обращенный к библейскому Иову, – “вдов ты отсылал ни с чем и сирот оставлял с пустыми руками” (Иов, 22, 9) – учительные “слова” относили к числу самых осуждаемых человеческих деяний» [Гольденберг, 2013]. Однако, как указывает ученый, на таком портрете «лежит иронический отсвет, ибо он находится в резком противоречии с реальной биографией персонажа» [Там же].

Четвертая глава, начинается с картины посещения Чичиковым трактира. Это дает возможность писателю коснуться темы первой из восьми страстей – чревоугодия, которую мы видели и в ранних его произведениях, например, в рассмотренных нами «Вечерах на хуторе близ Диканьки». Описывая аппетит и яства господ «средней руки», Н.В. Гоголь в каком-то смысле признает этот грех и за собой лично: *«автор должен признаться, что весьма завидует аппетиту и желудку такого рода людей»* [Гоголь, 2009, Т. 5: 60]. Он с явной иронией отмечает страстное желание иметь возможность предаваться радостям застолья господ «большой руки»: *«не один господин большой руки пожертвовал бы сию же минуту половину душ крестьян и половину имений, заложенных и незаложенных, со всеми улучшениями на иностранную и русскую ногу, с тем только, чтобы иметь такой желудок, какой имеет господин средней руки, но то беда, что ни за какие деньги, ниже’ имения, с улучшениями и без улучшений, нельзя приобрести такого желудка, какой бывает у господина средней руки»* [Гоголь, 2009, Т. 5: 60].

Показательно изображение встречи Чичикова с Ноздревым. Представление «исторической» личности последнего прерывается

отступлением. В нем Н.В. Гоголь описывает людей, «имеющие страстишку нагадить ближнему, иногда вовсе без всякой причины» и приводит один пример, характеризующий такую отрицательную черту натуры: «человек в чинах, с благородною наружностью, со звездой на груди, будет вам жать руку, разговорится с вами о предметах глубоких, вызывающих на размышления, а потом, смотришь, тут же, пред вашими глазами, и нагадит вам. И нагадит так, как простой коллежский регистратор, а вовсе не так, как человек со звездой на груди, разговаривающий о предметах, вызывающих на размышление, так что стоишь только да дивишься, пожимая плечами, да и ничего более» [Там же: 70]. Обличив в отрывке как бы между прочим подлость, характерную для людей, от которых, судя по внешности, ее никак не ожидаешь, автор возвращается к прерванному повествованию.

В пятой главе, в эпизоде с дядей Митяем и дядей Миняем, Чичиков замечает «хорошенькую головку с тоненькими чертами лица и тоненьким станом» и пускается в рассуждения о воспитании и нравах: «Славная бабушка! <...> в ней, как говорится, нет еще ничего бабьего, то есть именно того, что у них есть самого неприятного». «Из нее все можно сделать, она может быть чудо, а может выйти и дрянь, и выдет дрянь! Вот пусть-на только за нее примутся теперь маменьки и тетушки. В один год так ее наполнят всяким бабьем, что сам родной отец не узнает. Откуда возьмется и надутость, и чопорность, станет ворочаться по вытверженным наставлениям, станет ломать голову и придумывать, с кем, и как, и сколько нужно говорить, как на кого смотреть, всякую минуту будет бояться, чтобы не сказать больше, чем нужно, запутается наконец сама, и кончится тем, что станет наконец врать всю жизнь, и выдет просто черт знает что!» [Гоголь, 2009, Т. 5: 90–91]. В этом отрывке мы видим, что обличительные слова вложены в речь Чичикова, что может несколько профанировать эти слова. Но на наш взгляд, в устах героя

снижается лишь форма учительной речи – нет высокой лексики и понятий, при этом смысл монолога несет в себе нравственное поучение и укор.

«Своеобразным дидактизмом проникнуты речи Собакевича, в которых звучат “обличительные” мотивы гомилетической литературы. Она сурово осуждает пьянство, блуд, лихоимство, разбой, идолопоклонство и т.п. и рекомендует в повседневном быту избегать общения с носителями этих пороков» [Гольденберг, 2013]: «прекрасный человек» председатель палаты у него *«он только что масон, а такой дурак, какого свет не производил»*, «превосходный человек» губернатор – *«первый разбойник в мире»*, *«и лицо разбойничье <...> Дайте ему только нож да выпустите на большую дорогу – зарежет, за копейку зарежет!»*, а с вице-губернатором они – *«Гога и Магога»*, которые в святоотеческой традиции трактуются как восставшие против христианства народы во времена приближающегося Апокалипсиса; полицмейстер по определению героя – *«Мошенник! <...> продаст, обманет, еще и пообедает с вами»*, прокурор – *«если правду сказать, свинья»*, и далее общая характеристика, как итог: *«Я их знаю всех: это всё мошенники, весь город там такой: мошенник на мошеннике сидит и мошенником погоняет. Все христонпродавцы»* [Гоголь, 2009, Т. 5: 94–95]. И здесь мы находим тот же прием, когда обличительная речь исходит не от праведного оратора, а вложена в уста Собакевича, который сам является органичной частью того общества, которое обличает.

В конце главы мы встречаем авторское отступление о слове, где Н.В. Гоголь связывает воедино веру, народ, его внутреннюю силу русским словом: *«Как несметное множество церквей, монастырей с куполами, главами, крестами рассыпано по святой благочестивой Руси, так несметное множество племен, поколений, народов толпится, пестреет и мечется по лицу земли. И всякой народ, носящий в себе залог сил, полный творящих способностей души, своей яркой особенностью и других даров бога, своеобразно отличился каждый своим собственным словом, которым, выражая какой ни есть предмет, отражает в выраженьи его часть*

собственного своего характера... нет слова, которое было бы так замашисто, бойко, так вырвалось бы из-под самого сердца, так бы кипело и животрепетало, как метко сказанное русское слово» [Гоголь, 2009, Т. 5: 106–107]. Здесь могущество русского народа, заключенное в слове, можно связать с могуществом Слова Божьего, которое было в начале всего мироздания. Необходимо сразу указать на связь этого авторского отступления и статьи «О том, что такое слово» из «Выбранных мест из переписки с друзьями», где Н.В. Гоголь говорит: *«Обращаться с словом нужно честно. Оно есть высший подарок Бога человеку»* [Гоголь, 2009, Т.6: 21].

Стараясь охватить всю широту жизни Руси, Н.В. Гоголь описывает явления и детали, характерные и узнаваемые и при этом полные контрастов. Бережливый помещик Плюшкин, превратившийся в скупого, одинокого старика, в *«какую-то прореху на человечестве»*, соседствует с *«помещиком, кутящим во всю ширину русской удали и барства, прожигающий, как говорится, насквозь жизнь»* [Гоголь, 2009, Т. 5: 117], прожигает жизнь, освещенную на балах «мишурным блеском», вместе с ним полгубернии. В характеристике Собакевича Плюшкин *«восемьсот душ имеет, а живет и обедает хуже моего пастуха! <...> Мошенник! Такой скряга, какого вообразить трудно. В тюрьме колодники лучше живут, чем он: всех людей переморил голодом»*, *«Я вам даже не советую дороги знать к этой собаке!»* [Там же: 97]. Здесь необходимо коснуться эпитета «собака»: «В учительной литературе бранный эпитет “собака” тесно связан с образом богатого скупца, которого, как в “Измарагде” написано, “яко пса смердящего гнушается Господь”. Эмоциональное обличение скупости богатых было одной из излюбленных тем русской проповеди, оставившей выразительные портреты носителей этого порока. Учительные “слова” обличают не богатство само по себе, а “златолюбие злое”, рисуя сатирически сниженный образ человека, одержимого “лютым сим недугом”» [Гольденберг, 2013]. Здесь вновь происходит профанирование и стилевое изменение

предполагаемой учительной речи, но главное предназначение – обличение порока, указание на него происходит, пусть и через такой скрытый путь. Кроме того, именно в речах Плюшкина достигает «своего смехового апогея профанация “высокого” слова гомилетической литературы» [Там же]: *«Приказные такие бессовестные! – жалуется он Чичикову. – Прежде бывало полтиной меди отделаешься да мешком муки, а теперь пошли целую подводку круп, да и красную бумажку прибавь, такое сребролюбие! Я не знаю, как священники-то не обращают на это внимание, сказал бы какое-нибудь поучение, ведь что ни говори, а против слова-то Божия не устоишь»* [Гоголь, 2009, Т. 5: 120].

Говоря о Плюшкине, Н.В. Гоголь пишет о заблуждении человечества, о потере им пути. В своем обращении к читателю автор призывает с юности стремиться сохранить душу, все человеческое в себе: *«И до такой ничтожности, мелочности, гадости мог снизить человек! мог так измениться! И похоже это на правду? Всё похоже на правду, всё может стать с человеком. Нынешний же пламенный юноша отскочил бы с ужасом, если бы показали ему его же портрет в старости. Забирайте же с собою в путь, выходя из мягких юношеских лет в суровое ожесточающее мужество, забирайте с собою все человеческие движения, не оставляйте их на дороге: не подымете потом! Грозна, страшна грядущая впереди старость, и ничего не отдает назад и обратно! Могила милосерднее ее, на могиле напишется: здесь погребен человек! но ничего не прочитаешь в хладных, бесчувственных чертах бесчеловечной старости»* [Там же: 124].

А.Х. Гольденберг отмечает, что внимательное рассмотрение образа Плюшкина позволяет увидеть его «метафизическую глубину» и «экзистенциальный характер», а сам образ требует «постановки проблем нравственно-философского порядка, и прежде всего – проблемы цены богатства», платой за которое становится душа героя. Также указывается литературный источник вышеуказанной проблемы – «евангельское поучение о собирании сокровищ (“Не собирайте себе сокровищ на земле...; но

собирайте себе сокровища на небе” – Мф., 6: 19–21), которое в “Мертвых душах” представляется в обращенном виде – как антипоучение» [Гольденберг, 2004]. При этом мы видим, что «снижение, травестирирование учительных “слов” почти не затрагивает сферу авторской речи. В биографии Плюшкина, рассказанной автором, сохраняются и серьезность тона, и поучительность, и укор, присущие гомилетической поэтике. Повествование насыщается специфической лексикой, в него вводятся характерные мотивы и образы поучений» [Там же].

В приведенных выше отрывках поэмы возникает еще один повторяющийся элемент – мотив дороги. По словам В.А. Воропаева и И.А. Виноградова, мотив движения, пути пронизывает всю поэму и представляется в разных ипостасях:

- дорога реальная, с проселками, ухабами, пылью, на которой можно заблудиться;
- фантастический путь Руси (глава 11);
- житейский путь Чичикова;
- творческий путь автора;
- главное: путь духовного восхождения героев, автора, всего человечества [Виноградов, Воропаев, 2009: 530]

О творческом пути писателя Н.В. Гоголь говорит в седьмой главе. Себя он причисляет к авторам, *«дерзнувшим вызвать наружу всё, что ежеминутно пред очами и чего не зрят равнодушные очи, всю страшную, потрясающую тину мелочей, опутавших нашу жизнь, всю глубину холодных, раздробленных, повседневных характеров, которыми кишит наша земная, подчас горькая и скучная дорога, и крепкою силою неумолимого резца дерзнувшего выставить их выпукло и ярко на всенародные очи!»* [Гоголь, 2009, Т. 5: 129]. Себя он видит своеобразным проповедником, воздействующим на читателя с целью его нравственного очищения. Писатель осознает, что не будет понят современниками и, скорее всего, его осудят «лицемерно-бесчувственным судом», «все обратят в упрек» и оставят на

дороге одного с его героями. Но Н.В. Гоголь не собирается сходить с этого пути. Он принимает все последствия, понимает всю важность своего дела – осветить дорогу к свету, в чем и состоит главная идея «Мертвых душ». Как отметили в связи с этим И.А. Виноградов и В.А. Воропаев, идея духовного воскресения человека – путь, который открыт всем. Именно этот глубинный смысл заключает в себе и название поэмы (души, мертвые духовно), и образ дороги (как путь духовного восхождения героев, человечества, автора) [Виноградов, Воропаев, 2009: 518]. Н.В. Гоголь понимает и принимает всю тяжесть и в то же время важность и необходимость такого пути: *«И долго еще определено мне чудной властью идти об руку с моими странными героями, озирать всю громадно-несущуюся жизнь, озирать ее сквозь видный миру смех и незримые, неведомые ему слезы! И далеко еще то время, когда иным ключом грозная вьюга вдохновенья подымется из облеченной в святой ужас и в блистанье главы, и почуют в смущенном трепете величавый гром других речей...»* [Гоголь, 2009, Т. 5: 130].

Как отмечает В.М. Гуминский, творчество в понимании Н.В. Гоголя «становится не только художественным актом, но и актом бытийным, нравственным, жизнестроительным», этот же посыл заключают в себе и «Выбранные места из переписки с друзьями», «в которой автор пытается утвердить единство жизни и творчества, человека и художника на христианской основе. Все это представлялось Гоголю необходимым для продолжения работы над поэмой, и поэтому “Выбранные места...”, как уже не раз отмечалось гоголеведами, являются лучшим комментарием к “Мертвым душам”» [Гуминский, 2009].

В восьмой главе Н.В. Гоголь рассуждает о жителях своей страны. В частном диалоге условных Степана Дмитриевича, Ивана Григорьевича и Алексея Ивановича показан образ русского крестьянина: *«Русской человек способен ко всему и привыкает ко всякому климату. Пошли его хоть в Камчатку да дай только теплые рукавицы, он похлопает руками, топор в руки, и пошел рубить себе новую избу»* [Гоголь, 2009, Т. 5: 149]. Но кроме

сильного духа, трудолюбия есть и отрицательные качества: «У крестьян <...> два сильные врага. Первый враг есть близость губерний малороссийских, где, как известно, свободная продажа вина. Я вас уверяю: в две недели они изолюбятся и будут стельки. Другой враг есть уже самая привычка к бродяжнической жизни, которая необходимо приобретется крестьянами во время переселения» [Там же: 150]. Удержать от пьянства и бродяжничества по мнению собеседников можно только силой и строгостью: господ – «чтобы они вечно были пред глазами Чичикова и чтоб он держал их в ежовых рукавицах, гонял бы их за всякий вздор, да и не то чтобы полагаясь на другого, а чтобы сам-таки лично, где следует, дал бы и зуботычину и подзатыльника» [Там же], хорошего управителя или капитана-исправника – «бунта нечего опасаться, что в отвращение его существует власть капитан-исправника, что капитан-исправник, хоть сам и не ездит, а пошли только на место себя один картуз свой, то один этот картуз погонит крестьян до самого места их жительства» [Там же].

Далее Н.В. Гоголь переходит к самим господам. Интеллектуально-культурный уровень составляет предмет их гордости: «Многие были не без образования: председатель палаты знал наизусть “Людмилу” Жуковского, которая еще была тогда непростывшею новостью, и мастерски читал многие места», «почтмейстер вдавался более в философию и читал весьма прилежно, даже по ночам, Юнговы “Ночи” и “Ключ к таинствам природы” Эккартсгаузена, из которых делал весьма длинные выписки по целым листам, и в чем состояли эти выписки и какого рода они были, это никому не было известно. Впрочем, он был остряк, цветист в словах и любил, как сам выражался, уснастить речь» [Гоголь, 2009, Т. 5: 151] множеством разных частиц, «прочие тоже были, более или менее, люди просвещенные: кто читал Карамзина, кто “Московские Ведомости”, кто даже и совсем ничего не читал». «Насчет благовидности, уже известно, все они были люди надежные, чахоточного между ними никого не было» [Там же: 152]. Мы видим здесь, как в среде гоголевских героев изменяют свою сущность такие

понятия, как образование, мастерство, просвещение, надежность. Данный пример, несмотря на сниженность и пародийность, отражает конкретное состояние общества, а упомянутые авторы и произведения не дают усомниться в том, что именно они и популярны в «просвещенной» чиновничьей среде.

Весьма подробно Н.В. Гоголь описал жизнь и нравы дам города N. Презентабельность их, в частности, заключается в том, что они соблюдают *«множество приличий самых тонких, и особенно наблюсти моду в самых последних мелочах»*, *«одевались они с большим вкусом, разъезжали по городу в колясках, как предписывала последняя мода, сзади покачивался лакей, и ливрея в золотых позументах»* [Там же: 153], визитная карточка для них становится *«священным»* предметом, а *«манкирование контр-визитом»* способно навечно посорить двух родственниц. Соперничество дам *«за занятие первых мест»* побуждало их мужей к заступничеству, в котором дуэль сменяется стремлением *«напакостить, где было можно, что, как известно, подчас бывает тяжелее всякой дуэли»*. Нравы дам *«строги, исполнены благородного негодования противу всего порочного и всяких соблазнов, казнили без всякой пощады всякие слабости»*, при этом вполне допускалось *«все порочное»*, совершенное втайне [Там же].

В приведенных примерах описания людей высокого социального положения ярко представлен профанный характер проповеднического слова, *«однако травестийность речевого поведения персонажей уравнивается серьезностью прямых авторских оценок, которые вводят в текст мотивику христианских поучений»* [Гольденберг, 2004].

Н.В. Гоголь возвращается к теме языка и русского слова. Стремление дам подчеркнуть свое *«особое»* положение в обществе приводит к стремлению *«облагородить русский язык»* в общении: *«половина почти слов была выброшена вовсе из разговора, и потому весьма часто было нужно прибегать к французскому языку, зато уж там, по-французски, другое дело: там позволялись такие слова, которые были гораздо пожестче*

упомянутых» [Гоголь, 2009, Т. 5: 154]. Как было отмечено выше, тема русского слова у Н.В. Гоголя непосредственно связывается с христианским, духовным началом, поэтому отношение к языку ярко характеризует нравы представителей общества: *«читатели высшего общества: от них первых не услышишь ни одного порядочного русского слова, а французскими, немецкими и английскими они, пожалуй, наделят в таком количестве, что и не захочешь, и наделят даже с сохранением всех возможных произношений: по-французски в нос и картавя, по-английски произнесут, как следует птице, и даже физиономию сделают птичьей, и даже посмеются над тем, кто не сумеет сделать птичьей физиономии. А вот только русским ничем не наделят, разве из патриотизма выстроят для себя на даче избу в русском вкусе. Вот каковы читатели высшего сословия, а за ними и все причитающие себя к высшему сословию! А между тем какая взыскательность! Хотят непременно, чтобы всё было написано языком самым строгим, очищенным и благородным, словом, хотят, чтобы русский язык сам собою опустился вдруг с облаков, обработанный, как следует, и сел бы им прямо на язык, а им бы больше ничего, как только разинуть рот да выставить его»* [Там же: 159–160]. Высшее общество чуждо родному, русскому языку, а значит чуждо и национальной духовности.

В десятой главе Н.В. Гоголь вновь обращается к теме потери пути, выбору дороги, которая лишь кажется верной: *«Поди ты, сладь с человеком! не верит в Бога, а верит, что если почешется переносье, то непременно умрет; пропустит мимо создание поэта, ясное, как день, всё проникнутое согласием и высокою мудростью простоты, а бросится именно на то, где какой-нибудь удалец напутает, наплетет, изломает, выворотит природу, и ему оно понравится, и он станет кричать: "Вот оно, вот настоящее знание тайн сердца!"»* [Гоголь, 2009, Т. 5: 200]. И почти сразу говорит о прямом пути, который может вывести из множества заблуждений к свету: *«Какие искривленные, глухие, узкие, непроходимые, заносящие далеко в сторону дороги избирало человечество, стремясь достигнуть вечной истины, тогда*

как перед ним весь был открыт прямой путь, подобный пути, ведущему к великолепной храмине, назначенной царю в чертоги! Всех других путей шире и роскошнее он, озаренный солнцем и освещенный всю ночь огнями; но мимо его, в глухой темноте, текли люди. И сколько раз, уже наведенные нисходившим с небес смыслом, они и тут умели отшатнуться и сбиться в сторону, умели среди бела дня попасть вновь в непроходимые захолустья, умели напустить вновь слепой туман друг другу в очи и, влачась вслед за болотными огнями, умели-таки добраться до пропасти, чтобы потом с ужасом спросить друг друга: “Где выход, где дорога?” Видит теперь всё ясно текущее поколение, дивится заблужденьям, смеется над неразумием своих предков, не зря, что небесным огнем исчерчена сия летопись, что кричит в ней каждая буква, что отовсюду устремлен пронзительный перст, на него же, на него, на текущее поколение; но смеется текущее поколение и самонадеянно, гордо начинает ряд новых заблуждений, над которыми также потом посмеются потомки» [Там же: 204].

Мы видим, что каждый раз, указывая на пороки, испорченность нравов, пристрастия, Н.В. Гоголь подразумевает одну и ту же дорогу к свету, к спасению: прямую и роскошную дорогу к храму, к вере. К концу первого тома «Мертвых душ» проповедническое слово автор уже не прячет за сюжетом или словами героев, оно звучит прямо. Говоря о причинах ошибок, заблуждений, неверного выбора, он обращается прямо к читателю: *«Приобретение – вина всего; из-за него произвелись дела, которым свет дает название не очень чистых. Правда, в таком характере есть уже что-то отталкивающее, и тот же читатель, который на жизненной своей дороге будет дружен с таким человеком, будет водить с ним хлеб-соль и проводить приятно время, станет глядеть на него косо, если он очутится героем драмы или поэмы»* [Гоголь, 2009, Т. 5: 234]. Автор указывает не только на сами пороки, но и на причины их появления: *«Быстро все превращается в человеке; не успеешь оглянуться, как уже вырос внутри страшный червь, самовластно обративший к себе все жизненные соки. И не*

раз не только широкая страсть, но ничтожная страстишка к чему-нибудь мелкому разрасталась в рожденном на лучшие подвиги, заставляла его позабывать великие и святые обязанности и в ничтожных побрякушках видеть великое и святое. Бесчисленны, как морские пески, человеческие страсти, и все не похожи одна на другую, и все они, низкие и прекрасные, все вначале покорны человеку и потом уже становятся страшными властелинами его» [Там же]; «мудр тот, кто не гнушается никаким характером, но, вперя в него испытующий взгляд, изведывает его до первоначальных причин» [Там же]. Кроме того, Н.В. Гоголь объясняет читателю его внутреннюю связь с героем поэмы: «А кто из вас, полный христианского смиренья, не гласно, а в тишине, один, в минуты уединенных бесед с самим собой, углубит во внутрь собственной души сей тяжелый запрос: „А нет ли и во мне какой-нибудь части Чичикова?“» [Там же: 237].

Слово писателя не только внутренне, содержательной стороной приближается к проповеди, но и формально, стилистически становится ею: пафос, высокая лексика, поучительно-назидательный характер, прямое обращение к адресату. «Таким образом, на всем протяжении авантюрного сюжета как будто откуда-то из глубин текста раздается голос проповедника, обличающего греховность происходящего» [Смирнова].

ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 3

Рассмотрение творчества Н.В. Гоголя с позиции выявления «христианской поэтики» позволяет увидеть гомилетическую традицию не только в «Выбранных местах из переписки с друзьями». Открывается прямая связь этой книги с поэмой «Мертвые души», где проповедническое слово существует не в столь явном виде, но, (в отличие от ранних произведений) несомненно, является важной составляющей творческого замысла.

Черты своеобразной гоголевской проповеди прослеживаются на протяжении всего текста, наиболее ярко они проявляются в лирических отступлениях. Мы видим дидактизм, прямые обращения к читателям, к «внутреннему человеку», что прямо связано с гомилетической традицией. «Авторские обращения к своим персонажам, обычно принимающие форму нравственного укора», всегда «стилистически маркированы переключением иронической повествовательной интонации на серьезный дидактический тон» и имеют параллели и переключки с древнерусскими поучениями [Гольденберг, 2013].

В скрытом виде «учительное» / проповедническое слово передается и через речь героев. Оно профанируется в их устах, входя в противоречие с поступками и поведением говорящих, но оно не только сохраняет свое положительное, назидательное содержание, но даже усиливается благодаря такому контрасту.

Проповедь Н.В. Гоголя в поэме затрагивает вопросы острые и злободневные. Целью проповедничества является желание воскресения мертвых душ современников, указание истинного пути, поиск выхода из заблуждений, в которых погрязло «человечество». Символика храма и дороги к нему становится центром авторской проповеди в поэме. Искусство для Н.В. Гоголя становится «незримыми ступенями к христианству» и «если после прочтения книги человек возьмет в руки Евангелие – это и есть высший смысл его творчества» [Воропаев, 2011].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Жанр проповеди имеет важное значение для понимания природы русской литературы. Скрыто и явно он присутствует в сочинениях различных авторов. Его поэтическое основание – проблематика добра и зла, святости / праведности и греховности. С момента зарождения русской литературы через проповедь транслировались христианские истины и ценности, основы нравственного понимания жизни – воспитания, жизнестроительства в целом

Долгое время творчество Н.В. Гоголя воспринималось неполно, одностороннее и искаженно. Уже в начале XX века, по словам В. В. Воропаева, «истинный облик Гоголя был частично восстановлен» [Гоголь, 2009, Т. 1: 13]; на чествовании памяти Н.В. Гоголя в Киевской 3-й гимназии священник К.М. Агеев произнес речь, в которой прямо указывал на несостоятельность теории «двух Гоголей»: «Теперь никто, хотя поверхностно ознакомившийся с произведениями Гоголя в связи с его многочисленными письмами, не станет серьезно утверждать о душевном кризисе, разделившем жизнь его на два отличные периода. Теперь, наоборот, утверждают, что в развитии его мирозерцания и настроения видна строгая последовательность» (Чествование памяти Н.В. Гоголя в Киевской 3-й гимназии. Речь законоучителя священника К.М. Агеева. Киев, 1902. С. 5–6). Несмотря на это грядущие революционные события в Российской Империи не позволили получить этим идеям продолжение.

Полтора века с подачи В.Г. Белинского творчество Н.В. Гоголя разделялось на два периода: период, когда талантливый писатель реалист и сатирик метко обличал пороки жизни России, и период измены своему таланту – с момента создания «Выбранных мест из переписки с друзьями». После столь длительного господства теории «двух Гоголей» лишь в конце XX – начале XXI веков началось полноценное открытие Н.В. Гоголя как христианского писателя. Рассмотрение его творчества «сквозь призму религиозного мирозерцания» [Гоголь, 2009, Т. 1: 14] позволило

исследователям встать на путь верного и глубокого понимания идей, выраженных в его произведениях.

Проповедническое слово, которое обыкновенно видели только в «Выбранных местах...», скрыто и явно прослеживается и в поэме «Мертвые души». Но свое начало оно берет в раннем творчестве Н.В. Гоголя, в цикле повестей «Вечера на хуторе близ Диканьки». В данной работе мы попытались выделить особенности гоголевской проповеди и проследить их в указанных произведениях.

Приводя слова Н.В. Гоголя из статьи «Взгляд на составление Малороссии» (1832–1835) о том, что «в самом народе “языческие поверья, детские предрассудки, песни, сказки, славянская мифология” порой бессознательно, “простодушно”, смешивались с христианством», И.А. Виноградов указывает на то, что именно сказка становится тем самым проповедническим рупором, через который писатель говорит об истине, преподает серьезный нравственный урок [Виноградов, 2000: 8–9]. «Не только собственно “реалистическая”, бытовая сторона повестей “Вечеров...”, но даже и сама их “фантастика”, при всей кажущейся произвольности, подчинена у Гоголя глубокому внутреннему смыслу. По словам Василия Зеньковского (в одной из его ранних работ), “Гоголь гораздо более, чем Достоевский, ощущал своеобразную *полуреальность* фантастики, близость чистой фантастики к скрытой сущности вещей. Уже в “Вечерах на хуторе близ Диканьки” это чувствуется очень сильно...”» [Гоголь, 2009, Т. 1–2: 504].

В скрытом виде проповедническое слово проявляется в описаниях героев, их быта и нравов. На всем протяжении «Вечеров на хуторе близ Диканьки» оно скрывается за иронией, юмором, смехом, но значительность затронутых проблем уже может выражаться будущей формулой «смех сквозь слезы». Скрытое проповедническое слово рассыпано по тексту, оно перемежается с внешним ходом событий, мелькает в диалогах, вдруг появляется явно и вновь уходит в глубину, но никогда не исчезает.

Проанализировав в настоящей работе основные образы и фольклорно-мифологические мотивы – дьявола, золота, красоты, народа, духовенства, семьи, – мы пришли к выводу, что и через фантастические, и через реальные образы Гоголь воссоздает типичные жизненные ситуации, при этом широко и ярко раскрывает тему «отпадения человека от данного ему Божественного откровения – тему преступления христианских заповедей ради пустых, продиктованных тщеславием и гордостью светских приличий, или же нарушение заповедей ради плотских, греховных удовольствий» [Виноградов, 2000: 21–22].

В «Вечерах на хуторе близ Диканьки» зарождается противопоставление топоса греха топосу святости, тема поиска спасительного пути. Так намечается магистральная линия творческого развития Н.В. Гоголя: «от чисто художественных произведений, где литургическая, церковная тема была как бы в подтексте, он переходит к ней непосредственно в “Размышлениях о Божественной Литургии”, сочинениях, подобных “Правилу жития в мире” (собственно духовная проза), и в публицистике “Выбранных мест из переписки с друзьями”» [Гоголь, 2009, Т. 1–2: 26].

Переходя к результатам анализа поэмы «Мертвые души», необходимо отметить, что здесь также, как и в «Вечерах на хуторе близ Диканьки», проповеднические мотивы присутствуют в тексте в скрытом виде, в описании быта и нравов героев, сюжетных обстоятельствах. Кроме того, «учительные» слова начинают звучать в речи самих героев. С одной стороны, это ведет к созданию трагедийных ситуаций, а с другой, усиливает эффект воздействия дидактики на читателей. Также (в отличие от ранних произведений) здесь мы находим и открытые обращения автора к читателям. Они прямо связаны с учительным христианским словом, с жанром проповеди. Серьезность, возвышенность интонации, назидательность, дидактизм, морально-этический характер, отбор высокой лексики для

построения авторского слова призваны изменить, воскресить природу духовно омертвевшего человека, указать на путь, ведущий к Храму.

Н.В. Гоголь старается охватить широту русской жизни через множество обычных, бытовых, привычных, потому порой не замечаемых нами деталей. В лирических отступлениях он «предлагает читателю свою оценку показанной им действительности и свой взгляд на пути ее изменения» [Алексеева, 1999: 109]. «Проповедь Гоголя всегда соседствует с картинами действительности, увиденными точно и конкретно» [Там же: 110].

Автор отмечает в русском народе залого будущей духовной жизни, залого, которые по каким-то причинам пока не реализованы. Поиски ответа на вопрос о причинах приводят Н.В. Гоголя к глубокому выводу – русский человек утратил верный вектор движения, сбился с истинного пути. Духовно воскреснуть может каждый, но лишь обратившись в сторону храма, христианских идеалов. «Гоголь говорил, что в «Мертвых душах» он хотел показать читателю путь ко Христу, чтобы он был ясен для всех. И этот путь давно всем указан» [Воропаев, 2011].

«Незримая ступень к христианству» – именно так понимал Н.В. Гоголь свою поэму.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алексеева У.С. Художественное своеобразие цикла «Выбранные места из переписки с друзьями» в контексте поэтики «позднего» Гоголя: дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01. Новосибирск, 1999. 177 с.
2. Алленова Т.Ю. Категория ирреального ужасного и способы ее выражения в художественном пространстве Н.В. Гоголя (на материале языка повестей «Вечера на хуторе близ Диканьки» и «Миргород»): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. М., 2000. 23 с.
3. Бабенко Н.П. Духовно-нравственные проблемы творчества Б.К. Зайцева 1900–1920-х годов: дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01. Чебоксары, 2010. 229 с.
4. Большой толковый словарь русского языка / под ред. С.А. Кузнецова. СПб.: Норинт. [Электронный ресурс]. 1998. URL: <https://goo.gl/o8haup> (дата обращения: 23.09.2017).
5. Ветчинкина Ю.В. «Свое – чужое» в «Вечерах на хуторе близ Диканьки» Н.В. Гоголя: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01. Самара, 2005. 28 с.
6. Вильнова С.В. «Выбранные места из переписки с друзьями» Н.В. Гоголя в литературно-общественном контексте 1840-х годов: историко-функциональный аспект: дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01. Оренбург, 2008. 227 с.
7. Виноградов И.А. Гоголь – художник и мыслитель: Христианские основы мирозерцания. М.: Наследие, 2000. 448 с
8. Виноградов И.А. Неизвестный «Миргород» // Гоголь Н.В. Полное собрание сочинений и писем: в 17 т. Т. 1: Вечера на хуторе близ Диканьки; Т. 2 Миргород / Сост., подгот. текстов и коммент. И.А. Виноградов, В.А. Воропаев. М.: Издательство Московской Патриархии, 2009. С. 570–630.

9. Виноградов И.А. Поэма Н.В. Гоголя «Мертвые души»: Проблемы интерпретации и текстологии: дис. ... д-ра филол. наук: 10.01.01, 10.01.08. Новосибирск, 2003. 339 с.
10. Виноградов И.А., Воропаев В.А. «Дело, взятое из души...» // Гоголь Н.В. Полное собрание сочинений и писем: в 17 т. Т. 5: Мертвые души. М.: Издательство Московской Патриархии, 2009. 680 с.
11. Волконская Т.А. Странные превращения в мотивной структуре малой прозы Н.В. Гоголя 1830–1840х гг.: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01. Саратов, 2014. 22 с.
12. Воропаев В.А. Гоголю можно все, и проповедовать тоже [Электронный ресурс] // Татьяна день. Молодежный журнал МГУ, 2011. URL: <http://www.taday.ru/text/225370.html> (дата обращения: 15.10.2017).
13. Воропаев В.А. Праздновать победу будем на том свете. О Гоголе, классике и современной литературе [Электронный ресурс] // Православие и мир, 2007. URL: <http://www.pravmir.ru/prazdnovat-pobedu-budem-na-tom-svete-o-gogole-klassike-i-sovremennoj-literature/> (дата обращения: 15.10.2017).
14. Гаджиева Т.Б. Нравственный и эстетический идеал Н.В. Гоголя в повестях миргородского цикла: дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01. Махачкала, 2008. 139 с.
15. Гиппиус В.В. Творческий путь Гоголя [Электронный ресурс] // Lib.ru “Классика”. URL: http://az.lib.ru/g/gippius_w_w/text_1938_tvorcheskiy_put_gogolya.shtml (дата обращения: 25.08.2017).
16. Гоголь Н.В.: Материалы и исследования. Вып. 2. М.: ИМЛИ РАН, 2009. 376 с.
17. Гоголь Н.В. Полное собрание сочинений и писем: в 17 т. Т. 1: Вечера на хуторе близ Диканьки; Т. 2 Миргород / Сост., подгот. текстов и коммент. И.А. Виноградов, В.А. Воропаев. М.: Издательство Московской Патриархии, 2009. 664 с.

18. Гоголь Н.В. Полное собрание сочинений и писем: в 17 т. Т. 5: Мертвые души. М.: Издательство Московской Патриархии, 2009. 680 с.
19. Гоголь Н.В. Полное собрание сочинений и писем: В 17 т. Т. 6: Выбранные места из переписки с друзьями / Сост., подгот. текстов и коммент. И.А. Виноградова, В.А. Воропаева. М.: Издательство Московской Патриархии, 2009. 744 с.
20. Гоголь Н.В. Полное собрание сочинений и писем: в 17 т. Т. 7: Юношеские опыты. Первоначальные редакции / Сост., подгот. Текстов и коммент. И.А. Виноградов, В.А. Воропаев. М.: Издательство Московской Патриархии, 2009. 816 с.
21. Гоголь Н.В. Полное собрание сочинений и писем: в 17 т. Т. 11: Переписка. 1835–1841 / Сост., подгот. текстов и коммент. И.А. Виноградов, В.А. Воропаев. М.: Издательство Московской Патриархии, 2009. 488 с.
22. Гоголь Н.В. Полное собрание сочинений и писем: в 17 т. Т. 12: Переписка 1842–1844 / Сост., подгот. текстов и коммент. И.А. Виноградов, В.А. Воропаев. М.: Издательство Московской Патриархии, 2009. 664 с.
23. Гольденберг А.Х. Библейский контекст в поэтике Пушкина и Гоголя // Дом Н.В. Гоголя – мемориальный музей и научная библиотека [Электронный ресурс]. 2004. URL: <http://www.domgogolya.ru/science/researches/1583/> (дата обращения: 16.05.2018).
24. Гольденберг А.Х. Гоголь и Иннокентий Херсонский [Электронный ресурс] // Дом Н.В. Гоголя – мемориальный музей и научная библиотека, 2008. URL: <http://domgogolya.ru/science/researches/1014/> (дата обращения 17.05.2018).
25. Гольденберг А.Х. Смех Гоголя и русская гомилетическая традиция [Электронный ресурс] // Дом Н.В. Гоголя – мемориальный музей и научная библиотека, 2013. URL: <http://domgogolya.ru/science/researches/1058/> (дата обращения 23.05.2018).

26. Гольденберг А.Х. Фольклорные и литературные архетипы в поэтике Н.В. Гоголя: дис. ... д-ра. филол. наук: 10.01.01. Волгоград, 2007. 360 с.
27. Гомилетика [Электронный ресурс] // Электронный портал Богослов. URL: <http://www.bogoslov.ru/text/293272.html> (дата обращения: 27.03.2018).
28. Гончаров С.А. Творчество Гоголя в религиозно-мистическом контексте: Монография. СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 1997. 340 с.
29. Грехнев В.А. «Пушкинское» у Гоголя (О символике «живого» и «мертвого») // Пушкин и другие. Новгород, 1997. С. 134–141.
30. Гумеров П. Христианская психология. Восемь смертных грехов и борьба с ними [Электронный ресурс] // Православие.RU, 2009. URL: <http://www.pravoslavie.ru/29226.html> (дата обращения: 06.10.2017).
31. Гуминский В.М. Гоголевское слово и христианская традиция // Дом Н.В. Гоголя – мемориальный музей и научная библиотека [Электронный ресурс]. 2009. URL: <http://www.domgogolya.ru/science/researches/710/> (дата обращения: 16.05.2018).
32. Гуминский В.М. Гоголь и русский исихазм (по материалам «Киево-Печерского патерика») [Электронный ресурс] // Дом Н.В. Гоголя – мемориальный музей и научная библиотека, 2013. URL: <http://www.domgogolya.ru/science/researches/1056/> (дата обращения: 16.05.2018).
33. Демидов Д.Г. Язык современной русской духовной литературы // Христианство и русская литература: сб. 3. СПб.: Наука, 1999. С. 26–33.
34. Есаулов И.А. Спектр адекватности истолкования литературного произведения («Миргород» Н.В. Гоголя). М.: Рос. гос. гуманитар. ун-т, 1995. 102 с.
35. Захаров В.Н. Православные аспекты этнопоэтики русской литературы» // Евангельский текст в русской литературе XVIII–XX веков. Вып. 2. Петрозаводск, 1998. С. 5–30.

36. Звездин Д.А. Православная проповедь как жанр церковно-религиозного стиля современного русского литературного языка: на примере второй половины XX века: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. Челябинск, 2012. 201 с.
37. Золотусский И.П. Апология Гоголя [Электронный ресурс] // Фома. 2009. 4 (72). URL: <http://foma.ru/apologiya-gogolya.html> (дата обращения 19.11.2017).
38. Иеромонах Симеон (Томачинский). Гоголь – самый церковный писатель в русской литературе [Электронный ресурс] // Православие.RU. URL: <http://www.pravoslavie.ru/37345.html> (дата обращения: 18.11.2017).
39. Иллюстрированный словарь забытых и трудных слов из произведений русской литературы XVIII–XIX веков / сост. Л.А. Глинкина. Оренбург: Оренбургское книжное издательство, 1998. 280 с.
40. Ицкович Т.В. Православная проповедь как тип текста: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. Екатеринбург, 2007. 160 с.
41. Каримова Е.С. «Петербургские повести» Н.В. Гоголя: поэтика жанра: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01. Самара, 2011. 22 с.
42. Кацадзе К.Г. Многомерность прозы Н.В. Гоголя: дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01. Иваново, 2011. 201 с.
43. Кожина М.Н., Дускаева Л.Р., Салимовский В.А. Стилистика русского языка. М.: Флинта: Наука, 2008. С. 412–432.
44. Комков О.А. Традиции православного иконологического мышления в русской литературе XIX – начала XX веков: А.С. Пушкин, Н.В. Гоголь, И.С. Шмелев: дис. ... канд. культ. наук: 24.00.01. М., 2001. 258 с.
45. Котельников В. На пороге кельи [Электронный ресурс] // Исихазм, 2013. URL: <http://www.hesyasm.ru/library/kotelnikov/lit19.htm#k4> (дата обращения: 18.11.2017).

46. Крещенский сочельник: традиции и обряды // uDubа.com [Электронный ресурс]. URL: <https://goo.gl/6UJjL6> (дата обращения: 23.12.2017).

47. Кривонос В.Ш. Поворот или надрыв (Поздний Гоголь в исследованиях Русского Зарубежья) [Электронный ресурс] // Дом Н.В. Гоголя – мемориальный музей и научная библиотека, 2005. URL: <http://www.domgogolya.ru/science/researches/1046/> (дата обращения: 16.05.2018).

48. Крылова О.А. Церковно-религиозный стиль // Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М.Н. Кожиной. М.: Флинта, Наука, 2006. С. 612–616.

49. Культура русской речи: Энциклопедический словарь-справочник / под ред. Л.Ю. Иванова [и др.]. М.: Флинта, 2003. 840 с.

50. Левжун Л.В. Проповедь как жанр средневековой литературы: На материале проповедей в древнерусских рукописных и старопечатных сборниках: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.01.08. М., 1992. 20 с.

51. Манн Ю.В. Гоголь. Книга первая. Начало: 1809–1835 годы. М.: РГГУ, 2012. 504 с.

52. Манн Ю.В. Гоголь. Книга вторая. На вершине: 1835–1845 годы. М.: РГГУ, 2012. 552 с.

53. Манн Ю.В. Гоголь. Книга третья. Завершение пути: 1845–1852 годы. М.: РГГУ, 2012. 497 с.

54. Манн Ю.В. Заметки о «неевклидовой геометрии» Гоголя, или «Сильные кризисы, чувствуемые целою массою» [Электронный ресурс] // Вопросы литературы. 2002. 4. URL: <http://magazines.russ.ru/voplit/2002/4/mann.html> (дата обращения: 28.08.2017)

55. Маслова М.И. О «христианском духе» русской литературы: pro et contra [Электронный ресурс] // Научный богословский портал Богослов. RU. 2009. URL: <http://www.bogoslov.ru/text/492382.html> (дата обращения: 20.11.2017).

56. Матвеева Т.В. Учебный словарь: русский язык, культура речи, стилистика, риторика. М.: Флинта, 2003. 432 с.
57. Маурина С.Ю. Мифопоэтические мотивы и модели в поэме Н.В. Гоголя «Мертвые души»: дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01. Арзамас, 2010. 189 с.
58. Медведев А.Ф. Поэтика циклизации в творчестве Н.В. Гоголя («Вечера на хуторе близ Диканьки», «Миргород»): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01. СПб., 1993. 15 с.
59. Мочульский К. Духовный путь Гоголя. Париж: YMCA PRESS, 1934. 147 с.
60. Настольная книга священнослужителя. Т. 5. М.: Изд-во Московской Патриархии, 1986. 814 с.
61. Науман И.В. Николай Васильевич Гоголь – эстетик и литературный критик: дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01. М., 2012. 215 с.
62. Новикова-Строганова А.А. Исповедь и проповедь русского писателя [Электронный ресурс] // Образование и православие. URL: <http://www.orthedu.ru/predmetno-obrazovatelnye-oblasti/literatura/6634-13.html> (дата обращения 25.11.2017).
63. Осадчая Л.А. Риторическая природа художественного дискурса в повестях Н.В. Гоголя: «Миргород», «Петербургские повести»: дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01. Новосибирск., 2003. 179 с.
64. Пак Н.И. Традиции древнерусской литературы в творчестве Б.К. Зайцева и И.С. Шмелева: дис. ... д-ра филол. наук: 10.01.01. М., 2004. 347 с.
65. Пантин В. Светская литература с позиции духовной критики (современные проблемы) // Христианство и русская литература: сб. 3. СПб.: Наука, 1999. С. 34–58.
66. Прохватилова О.А. Православная проповедь и молитва как феномен современной звучащей речи. Волгоград: ВГУ, 1999. 362 с.

67. Салахова А.Г.-Б. Речевые стратегии и средства их реализации в современных христианских немецкоязычных проповедях: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04. Уфа, 2006. 23 с.
68. Семенова А.А. Народно-поэтическое начало в творчестве Н.В. Гоголя первой половины 1830-х гг.: от «Вечеров...» к «Миргороду» // Вестник Тюменского государственного университета. 2013. 1. С. 176–183.
69. Сибирёва М.В. Проповедь митрополита Филарета (Дроздова) в русской литературе: проблема жанра и стиля: дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01. М., 2008. 240 с.
70. Синяк Е.В. Поэма Н.В. Гоголя «Мертвые души» в историко-функциональном освещении: дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01. М., 2005. 172 с.
71. Смирнова Е.А. Поэма Гоголя «Мертвые души» [Электронный ресурс]. URL: http://www.e-reading.club/bookreader.php/99151/Smirnova_-_Poema_Gogolya__Mertvye_dushi_.html (дата обращения 15.11.2017).
72. Сокольский И. Сладостные приношения, любимые писателем Гоголем и фрейлиной Смирновой-Россет [Электронный ресурс] // Наука и жизнь, 2015. URL: <https://www.nkj.ru/open/27060/> (дата обращения: 29.12.2017).
73. Ткачев А.О проповеди и литературе [Электронный ресурс] // Радонеж. 2015. URL: <http://radonezh.ru/monitoring/o-propovedi-i-literature-prot-andrey-tkachev-pravoslavie-ru-137397.html> (дата обращения 19.11.2017).
74. Шамбинаго С. Трилогия романтизма (Н.В. Гоголь). М., 1911. 159 с.
75. Шмелев А.Д. Функциональная стилистика и моральные концепты // Язык. Культура. Гуманитарное знание. Научное наследие Г.О. Винокура и современность. М., 1999.